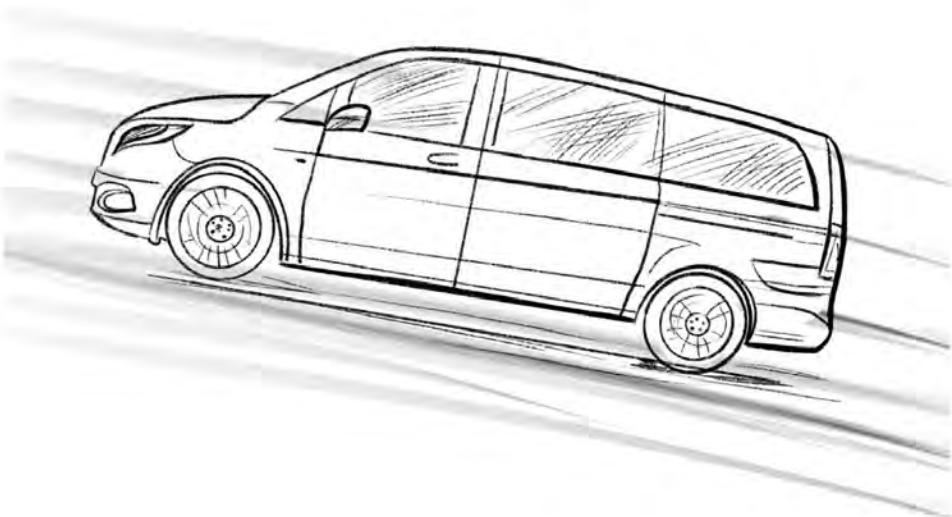
18+

myFiveFrancs

РАССКАЗЫ
НЕ О ШВЕЙЦАРИИ



myFiveFrancs

Рассказы не о Швейцарии

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-3
ББК 84-4
М99

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

myFiveFrancs
М99 Рассказы не о Швейцарии / myFiveFrancs. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 122 с.
ISBN 978-5-0053-9940-3

«Рассказы не о Швейцарии» — сборник коротких, но ёмких историй.

Здесь насилие, ложь и потакание страстям соседствуют с добром, целеустремлённостью и прощением. Здесь в одну и ту же машину садятся как самоубийцы и сумасшедшие, так и те, кто хочет сделать этот мир лучше. Здесь — про совершенно разных людей, которые просто тем или иным образом столкнулись в Швейцарии с одним и тем же человеком.

Книга понравится тем, кто любит краткость и глубину.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© myFiveFrancs, 2021
© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2021
© Евгения Язвенко, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-9940-3

Оглавление

Ненадо 5
Катаплексия 13
Хёрни 21
Потеряли 25
У входа 33
Утопия 38
На сене 44
Гадко 47
Подарок 50
Торт 55
Не получилось 58
После 65
Чёртов мост 69
И ты тоже 73
Аэропорт, фонарь, аптека 77
Бабка 86
Белеет чёрное 91
Бывает и так 96
Казнь 99
Стул 104
Кем стать 107
И 114
Разговор 117

Ненадо

— Пётр Алексеевич Ненадо — это я, — еле слышно произнёс дедушка в затёртом сером пиджаке.

Саша удивился, но виду не подал. Среди его клиентов такие, пахнущие старостью и с целлофановым пакетом вместо чемодана, попадались редко.

— Мне сказали, меня встретят и отвезут. Стало быть, это вы отвезёте? — уточнил дед.

Саша кивнул. И они двинулись к машине.

Пётр Алексеевич шёл решительно, но периодически как-то немного испуганно поглядывал на недовольное небо. По дороге на стоянку им встретилась странная костлявая девочка, которая почему-то необычайно обрадовалась, увидев старика.

— Вы знаете, куда ехать? — спросил Пётр Алексеевич.

— Да, мне ваше агентство адрес прислало.

— Агентство? Петька это, а не агентство. Я ему заплатил, чтобы он всё, как надо, оформил. Я в этом ничего не понимаю. Да и там по-английски надо.

Саша забил адрес в навигатор, и у него внутри похолодело.

— Вы торопитесь? — спросил он у своего пассажира.

— Нет. А что?

— Давайте я вам город немного покажу. Бесплатно.

Пётр Алексеевич отнекивался недолго.

Женева была такая Женева. Жеманно нежилась у своего озера, выставляла напоказ фонтаны и цветы, будто жениха ждала. Но сегодня она выглядела немного уставшей. Жались друг к дружке измотавшиеся за день и за жизнь дома, жаловалась истоптанная ботинками набережная.

Саша купил булку, сели на скамейку. Кидая лебедям в воду мякиш, начал рассказывать Петру Алексеевичу об истории города. Рассказывал долго, как можно дольше рассказывал, всё, что знал, рассказывал.

Старик слушал невнимательно, всё смотрел, как две белокрылые птицы плавают рядышком, склонив головы. Он подпёр свои впалые щёки и немного наклонился вперёд. А лебеди кружились, не обращали внимания ни на людей, ни на еду, ни на отражение начинающего прощаться солнца.

…Схоронил он свою белокурую Свету, уж год как схоронил. И потом, как потерявший и потерявшийся, всё бродил в бесконечные вечера по двум этажам

их деревенского дома, по двору с двумя яблонями, мимо покосившегося забора, к скрипящей калитке и обратно к грустному одинокому крыльцу. Звал к себе в гости костлявую, темноглазую, а она всё мимо проходила.

От ветра заслезились глаза. Старик достал мятый платок и поднёс к лицу.

Не лебедь он. Старый, слабый, трусливый.

Сам не смог, так взял грех на душу, попросил Петьку, чтобы он свидание с избавительницей ускорил, а тот и организовал. Правда, взамен на билет на самолёт и волшебную таблетку в одной из швейцарских клиник попросил в завещании ему оставить всё — и дом в городе Чудово, и двадцать гектаров прилегающей земли, и даже трактор.

И вот он здесь, и завтра разговоры и бумаги. И послезавтра опять разговоры и бумаги. А потом, на следующий день, наконец, долгожданная встреча с темноглазой.

«Хороший мужик, этот водитель. По адресу понял, куда я собрался», — старик снял кепку со своей седой неприкаянной головы и опустил её на плечо всё что-то говорившему и говорившему Саше.

Саша от неожиданности замолчал.

— Может, отец, не надо? — спросил он, не отводя глаз от холодных каменных плит на набережной.

Старик не ответил.

Женева такая Женева. Огромный фонтан, стремящийся вверх, к небу, виден отовсюду.

— Пойдёмте, — сказал Саша и встал. — Прогуляемся.

Ботанический сад, куда они пришли, дышал жизнью.

— Триста лет, — сказал он, показывая на платаны в аллее. — Смотрите, какие, не обхватить.

Деревья внизу толстели, расползались в разные стороны цепкими пальцами.

«Как за землю держатся!» — Пётр Алексеевич оглянулся.

Неподалёку виднелось мутное, запотевшее стекло маленькой, обитой травой, похожей на склеп оранжереи. И непонятно было, что там за ним, за этим стеклом: то ли красота, то ли пустота.

У входа в зимний сад стоял камень, напоминающий медведя с поднятой лапой и открытой пастью.

«Будто у виска крутит, будто кричит что-то», — подумал старик и отвернулся. А там — голое дерево, без веток, без листьев, в мучительной позе вопросительного знака. И из земли — изогнутый лист в форме вот-вот-прямо-сейчас-укушу кобры. И рядом с ядовитой её головой — доверчивый увядающий серый цветок, худенький такой, бледненький такой.

За садом — маленький парк с животными. Там Петра Алексеевича встретили выпуклые удивлённые глаза плавающих в пруду рыб и отворачивающиеся утки. Только чёрный лебедь подплыл близко и всё тянулся длинной шеей и красным, словно окровавленным клювом к сморщенным старческим рукам.

А потом извилистая аллея, с одной стороны ласково дотрагивающаяся до опущенных плеч розовыми цветущими бутонами, с другой — царапающая щетинистыми листьями неизвестных кустов.

Его Света цветы любила. Она вообще много чего любила, но вот красоту ценила особенно. Поэтому и посадил он у неё в ногах азалию. Все говорили «ты что, такая большая, такая яркая», а он знал — ей бы понравилось.

И теперь та же самая азалия, только не в ногах, а слева.

«Что же ты, Светик, думаешь, зря я?» — спросил он про себя, протягивая руку, чтобы погладить ворсистые цветы. Ветки куста недовольно зашелестели.

Пётр Алексеевич остановился. Аромат показался слишком сладким, он в последнее время больше любил, как пахнет только что спиленное дерево и скошенная трава.

После смерти жены вообще много что изменилось. Другие запахи, другие вкусы стали нравиться… Вдруг полюбил чай без сахара, овсяную кашу без варенья, отказался от булочек с маком и вообще перестал как-то подслащивать свою жизнь любым образом… Ни мёдом, ни морковкой… И всё чаще на потрескавшемся от времени кухонном столе появлялась незамысловатая миска со слипшимися макаронами — без мяса, без масла.

Будто прочитав его мысли, Саша затащил его в кафе прямо внутри ботанического сада. Уговорил съесть хрустящий цезарь с курицей и малиновый десерт с меренгой, мгновенно расползающейся по рту мечтой, сказкой. Уговорил попробовать горячий шоколад, впервые в жизни.

— Слишком сладко, — Пётр Алексеевич отодвинул маленькую чашечку. — Но всё равно спасибо.

Саша грустно посмотрел на недопитое.

— Вы знаете, я в этот парк часто семьи вожу, с детьми. Детям обычно животные нравятся, а вот взрослым про ядовитые растения всё интересно. Удивительно, не про то, что лечит, а про то, что отравляет.

— Да, — повторил Пётр Алексеевич вполголоса, — удивительно.

— Когда узнают, что ландыши, нарциссы и подснежники ядовиты, обычно испуганно переглядываются. Не нравится людям рядом со смертью ходить, в руках её держать, пусть даже и такую красивую. А потом про остальное начинают спрашивать — про белену, дурман, мак. И страшно им, и любопытно.

— Да, — повторил Пётр Алексеевич снова, — любопытно.

— Ну, и про лотос с удовольствием слушают. Красивая история про то, что он, преодолевая мутные воды, остаётся незапятнанным и всё тянется к свету, к солнцу, к жизни. Людям ведь нравится так, чтобы красиво, чтобы со смыслом.

Тут Пётр Алексеевич промолчал. Слово «смысл» он и сам в последнее время повторял часто. «А смысл?» — спрашивал себя, вставая с постели. Выключая телевизор, бормотал: «Бессмыслица». И сюда прилетел, потому что так и не нашёл его, несмотря на многочисленные повторения.

Не стало его, этого смысла, после того как Светы не стало.

Раньше казалось, что надо урожай хороший собрать, надо, чтобы соседи уважали. Раньше казалось. А теперь он знает, что просто надо, чтобы кого любить было, кому (глядя в глаза) варенье

в кашу маленькой ложечкой накладывать. Теперь знает.

Только вот некому больше накладывать. С азалиями каши не сваришь.

Вышли из ботанического сада, Саша повёл к памятнику. Там на пьедестале, скрестив ноги, расположилась бронзовая фигура и, казалось, неодобрительно смотрела на мявшего в руках кепку Петра Алексеевича.

— Это известный противник насилия Ганди, — сказал Саша и начал длинный-предлинный рассказ про мирного борца за независимость Индии.

Старик и в этот раз слушал невнимательно.

Перед тем как уйти, Саша ещё раз посмотрел на индуса в позе лотоса, потом перевёл взгляд на старика и вдруг понял, что делать надо.

— Простите, я не могу выполнить ваш заказ. Не могу. Я вас обратно в аэропорт отвезу. И деньги верну. Даже больше, за неустойку, — сказал он. — Мне вчера один русский на чай пятьсот франков оставил. Пьяный был. Говорит, бери, пригодится. И вот, пригодились. Вы уж там в аэропорту сами решайте, такси вам брать или обратный билет.

Женева такая Женева. Так любит делать добро. Так любит жизнь.

Катаплексия

Саша: «Сидит, копчёная. Вроде симпатичная, но отодвинуться хочется. Хотя куда тут отодвинешься, она ж и так на заднем сиденье. Дальше некуда. Всё у неё какое-то ненастоящее. Особенно эти глаза зелёные-зелёные. И улыбка пластмассовая».

Настя: «В машине хорошо. Кондиционер. У водителя кольцо на пальце. Женат, значит. А я, если честно, замуж вообще не хочу. Правда-правда. Подумаешь, платье! Чтобы потом мне так же, как и я? Мужики только увидят коленки не вместе, и всё, ищи их потом в трёх звёздах. Был у меня такой, спасибо. Плакала потом долго. Фу! А сейчас не фу. Сейчас Стёпа. Стёпа хороший. Стёпа депутат. Правда, тоже с кольцом».

Саша: «Эта явно не замужем. Мы таких фальшивых не любим. Так, на пару раз, может, и сойдёт,

но не больше. Мы дома простоты хотим. А у этой всё непросто будет. Она не только ему соврёт. Она ещё и себе соврёт. И будут потом лизать этот кисель до бесконечности».

Настя: «За окном красиво. А вот жена Стёпы — так себе. Халатик надо новый. Коротенький такой. У жены глаза как у рыбы. И подбородка нет. Рыбно-бесподбородочная. А я на шпагат сажусь. И родинка. Ещё час ехать. А потом четыре лететь. А потом опять на машине. Интересно, когда Стёпа разведётся?»

Саша: «Странно, таких девок обычно из дорогих гостиниц забираю, а эта в „Тюльпане“ жила. Да и начальник ей звонил, только отъехали. Значит, работать надо копчёной. Папик тут явно не очень щедрый».

Настя: «Водитель смотрит странно. Лишь бы молчал. Конечно, смотрит. Он даже не представляет, сколько это всё стоит. Зубы, губы, гладко, загорело. Жена Стёпы точно в пижаме спит. Хлопок. Или что там дышит? Ей пофиг, что не гладко и не загорело. Храпит, наверное. Захомутала и сопит спокойно. А зря… Дядя доктор мне здесь такую грудь сделал… Хорошая тут пластика. Потом надо будет с боков и сзади убрать. А то абонемент в зал купила, а времени нет».

Саша: «Надо для приличия что-то спросить. Но общаться с ней вообще желания нет. Быстрее бы до аэропорта довезти и высадить вместе с её пластмассовым чемоданом. В душ бы. Домой, к жене».

Настя: «Водитель заговорил. Какая ему разница, понравилась ли мне Лозанна? Конечно, не понрави-

лась. Сняла гостиницу прямо напротив этого грёбаного театра. Полжизни мне испортил театр этот. Мама с пяти лет — стань балериной, стань балериной. А в третьем классе привезла сюда. На конкурс балета посмотреть. Как раз в театре этом проходил. Все такие воздушные, а мы в зрительном зале. И мама с горящими глазами. Нравится? Нравится? Хочешь? Хочешь? Ну а как в девять лет „нет“ скажешь? Конечно, нравится! Конечно, хочу! Правда? Правда! И потом через пару лет балетное. И восемь лет боли».

Саша: «Сказала, что Лозанна понравилась, а головой мотает. Врёт. Я ж вижу. Я ж с людьми уж сколько лет работаю. Кому как не мне знать?»

Настя: «То, что балетное закончила — уже героизм. А что потом послала эти грёбаные пуанты подальше… Не жалею. Ни капли. Мама, конечно, не поняла. Не разговариваем. А мне всё равно. Правда-правда. Зато меня теперь вся Москва просит, чтобы я им рекламу придумала. „Настенька, пожалуйста, удиви, ты же умеешь“. Конечно, умею. И дом в глуши продать, и репутацию застройщика подправить. Вадим тогда не прогадал, когда меня без опыта взял. Почувствовал, что много денег принесу. А я… С матерью поругалась… Из Перми с одним чемоданом… Вариантов не особо. Главное, не в балет».

Саша: «В окно смотрит. Тоже разговаривать не хочет. Ну и прекрасно».

Настя: «Домов тут новых много. Меня в первый день Вадим тоже в новостройку привёз. Говорит, походи, почувствуй, придумай что-нибудь. И оставил

на два часа. Я тогда за десять минут придумала. Слоган „Ты хочешь домой“ и рисунок человека с портфелем. Ну что другое могла выдать девочка, восемь лет жившая в интернате при балетном? Вадим тогда сказал, я умею бить в боль. Заказчику понравилось. И понеслось. Ведь в рекламе что надо? Красиво показать, чуть приукрасить. А это я с детства люблю».

Саша: «Эх, копчёная-копчёная! Зачем ты свои настоящие глаза за этими зелёными зенками спрятала? И где улыбку эту приклеила? Кто ж тебя так, а? Ведь искусственными просто так не становятся!»

Настя: «Приукрашивать в жизни надо, без этого никак. И привирать даже можно. Иначе некрасиво будет. Ну, или не так красиво. Вот у меня линзы цветные. Обман, а ведь всем нравится! А ещё в блондинку крашусь, каблуки ношу. Губы и грудь накачала. Ну и что теперь? В лгуньи? Или в королевы? А вот на сцене обманывать совсем никак. Тело про тебя в танце всё рассказывает. И что боишься, и что больно. Прямо всё. Там ты голый».

Саша: «Сидит, как кукла пластмассовая, ручки так картинно сложила. Будто портрет с неё пишут».

Настя: «О, сообщение от Стёпы. Вчера сын родился, завтра не сможет приехать? Это как сын родился? Он же говорил, что они с женой уже давно ни-ни. Вот скотина».

Саша: «О, копчёная загрустила. Телефончик в сумку зло кинула. Обидели, наверное. Точно обидели, вон как вафлю нижнюю выпятила. Только бы не заплакала. Успокаивать тогда надо будет. Слова хорошие говорить. А нету для неё. Обычно когда копчёных обижают, они подружкам звонят. Ну, или

маме. А эта молчит, надулась. Подружек, значит, нет. И маму так легко не наберёшь. Бедная, без мужа, и позвонить некому. Тяжко тебе, наверное».

Настя: «Да что он постоянно смотрит на меня, водила этот? Достал уже! Все достали! Никому верить нельзя! Стёпа этот грёбаный… Всё мне сказки рассказывал про то, что с женой не спит. А тут — откуда ни возьмись ребёнок, роддом, детская кроватка. Как назовёте? Ой, какие щёчки! И обязательно фотосессия. Рыбно-бесподбородочная, скотина и их отпрыск. И какие-нибудь там ладошки в ладошках или маленькие пяточки. Все счастливы. Только я, блин, даже с новыми сиськами никому не нужна! А Стёпа мне потом что-нибудь затрёт про искусственное оплодотворение, про то, что они, конечно, спят в разных комнатах, как я могла подумать?»

Саша: «Только бы истерику не закатила».

Настя: «Родная мать тоже развела. Даже не намекнула, что на восемь лет меня не в балет, а в ад отправляет. Впарила мне его, как я сейчас своим клиентам новостройки впариваю. Только с хорошей стороны показываю. Плохую они и сами узнают. Отец не лучше. Тоже, кстати, депутат. Тоже всё обещал, обещал чего-то. То в зоопарк, то на руках носить. А потом „извини, сегодня не могу“. И чуть позже это „мы с мамой решили пожить отдельно“. Конечно, „они“ решили. Мама в слезах потом полгода ходила. Все врут. Все. И я с ними».

Саша: «Нет, вроде не плачет».

Настя: «Только одного человека знаю, который всё время правду говорит. Светка из балетного. Принципиальная. Но что ни скажет, так и случается.

Говорила, будет в Париже танцевать. И танцует. Говорила, муж русский будет. И в прошлом году за Васю вышла. Фотографии такие счастливые-счастливые… А у меня всё наоборот… Что ни запланирую — или со скрипом, или вообще по-другому. Может, тоже не врать попробовать? Прямо сейчас начать? Помаду стереть и в аэропорту вместо халатика пижаму со слониками купить. И чемодан новый, белый такой. Да бред! Кто ж на меня без косметики да со слониками. Мужикам же поярче да посочнее».

Саша: «О, вон Олимпийский дом видно. Не здание, а волна. Сплошное движение».

Настя: «Ой, а почему это я ничем пошевелить не могу. Ни руку поднять. Ни голову повернуть. Мамочка!!! Что же это?!!! Г-г-г-г-г… И язык не слушается. Даже помычать не могу».

Саша: «Копчёная вон затихла, голову опустила. Уснула».

Настя: «Только моргать могу, только моргать. А нет, ещё глазами двигать. Что же это? Паралич? Или умираю? С чего бы в двадцать шесть лет? Может, когда грудь делали, инфекцию занесли? Мамочка!!! Эй, водитель, посмотри на меня, мне плохо. Тупица, зачем пристегнулась, так бы, может, завалилась бы набок, он бы заметил. И дышу я как-то медленно. Мне же страшно, а дышу медленно. Точно умираю. Блин, с матерью так и не помирилась, с отцом не разговаривала давно. Мамочка, мамочка, прости меня, непутёвую. Ну кто ж знал, что ноги у меня не такие длинные вырастут и никогда, никогда не быть мне примой. Ну не могла, не могла я принять роль вечно второй. И, пап, зоопарки я никогда не любила, я тебя

любила. Очень. И сейчас люблю. Всё тело онемело. Будто отсидела. Дура, как можно тело отсидеть. И вообще, дура. Дура, дура, дура. Грудь захотела побольше… И зачем? Чтобы чужого мужика радовать? Ну, и что теперь? Лежу овощем… Точнее, сижу. Но всё равно овощем. Не сочная дыня, не сладкий персик, а тупая, тупая картошка. Пролежала восемь лет не на том складе, а потом меня один свинопас купил. Да купил, купил, чего тут. Тут уже не до вранья. Купил и периодически жарил. Меню своё диетическое по секрету разнообразил. С маслицем жарил, сука, с перчиком, с солькой, с другими овощами иногда мешал. Любитель женского рагу… Гурман. И не мама виновата, не папа, сама… Сдохну, стухну, сгнию вместе со своими новыми сиськами. Ну, что там обычно перед смертью делают? Жизнь вспоминают? Да нечего вспоминать… Всё время какие-то женатые сказочники залазили на моё стройное, выдрессированное балетом тело. Пыхтели, а потом после душа полотенцем тщательно вытирались. Блин, за столько лет ни разу с ними по-настоящему хорошо не было. Всё притворялась. Ладно, перед ними притворялась. Но ведь и перед собой тоже. Закупаясь в секс-шопе, говорила себе, что развратная. А на самом деле — одинокая. О-ди-но-ка-я. Я думала, что я — муза. А я — одинокая картошка. Эх, если б пожить ещё! Я тогда б… Не картошкой, а ветром, волной…»

Саша: «Точно уснула».

Настя: «Ой, вроде шевелиться могу. Да, точно могу».

Саша: «О, голову подняла. Глаза испуганные-испуганные. Сказала, не в аэропорт, а в больницу ей

надо. И за телефон, маме звонит. Извиняется. Плачет».

Настя: «Так, с мамой поговорила, папе написала, Стёпу послала. Что ещё?»

Саша: «Бедная бледная девочка. Вдруг ни с того ни с сего сказала, что Лозанна ей на самом деле вообще не понравилась. Надо быстрее ехать».

Хёрни

«На волка похож», — думал Саша, разглядывая своего пассажира в зеркало автомобиля.

Из Церматта русских он обычно увозил зимой, после того как они, накатавшись на лыжах, гогочущими семьями возвращались домой с новогодних праздников. А тут июль, заклеенное огромным пластырем плечо, большой походной рюкзак и фразы-обрубки.

— Вы альпинист? — не сдержал своего любопытства Саша.

— Я горы люблю, — ответил обладатель волчьих глаз, попросивший называть его просто Вовой.

Вова был странным пассажиром. Не залипал в телефоне, не читал книг, не спал. Просто сидел и смотрел в окно.

Радовался, что встретился с красавицей. Давно он на неё смотрел. Да только вот к такой сразу и не подступишься. Почти пять тысяч высота. Больше четырёх часов вверх, ещё дольше вниз.

На вершину поднимался с местным проводником. Тот ласково называл Маттернхорн — Хёрни. Рыжие волосы, скошенный лоб, прищуренные глаза — не швейцарец, а вылитый лис.

Вышли рано утром, темно, фонари во лбу.

— Готов?

— Готов!

И вот они, склоны, и вот оно, первобытное и забытое, потекло по жилам. И зрение будто улучшилось в тысячу раз, и запахи острее стали, и слух лучше. Раздувая ноздри, карабкались вверх. Вова и боялся тех перемен, что происходили с ним в горах, и хотел их.

«Оборотень», — думал он, чувствуя, как меняется всё внутри, как исчезает всё прилепленное, приделанное, приклеенное и остаётся только оголённая сущность.

«Нет, просто живёшь», — шептали ему почти отвесные скалы.

А на самом верху… Люди шли друг за дружкой по узкому перешейку, фотографировались… Видео снимали… Доказательства собирали… А он, повинуясь внутреннему зову, встал там на четвереньки и издал то ли победный клич, то ли вой.

На обратном пути услышали грохот. Где-то под ними откололся огромный кусок и пыльно летел вниз.

— Камень! — крикнул проводник, и Вова инстинктивно вжался в стену. Совсем рядом пронес-

лось, ударилось неподалёку, отскочило и улетело. А потом снова. Начался камнепад.

Спрятались за небольшим выступом, дышали пылью. После одного глухого удара рыжий проводник заскулил, запахло кровью. Раздробленная нога, открытая пасть, тонкие клыки видно, глаза от боли закатываются. Вова зажал напарника между собой и горой, а мимо летело, кувыркалось, торопилось вниз. А когда всё улеглось, резко испортилась погода.

— Вам музыку включить? — вырвал его из воспоминаний Саша.

— Если хотите, включайте. На ваш вкус, — Вова пожал плечами.

Саша немного поколдовал с телефоном, чтобы вывести на колонки русскую радиостанцию. Там диктор взахлёб расхваливал какой-то новый хит, по его словам, за несколько дней набравший просто невероятное количество просмотров в интернете.

Вова откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Он не хотел узнать это сейчас. Он хотел сначала вернуться в Москву, разобрать в своём логове рюкзак и только потом посмотреть новости, почитать комментарии.

И не то чтобы ему было страшно узнавать правду, нет. Просто совсем не хотелось разбавлять впечатления от долгожданной встречи с красавицей-горой голосами дикторов, журналистов, критиков, фанатов. Где гора, а где люди? Такое мешать нельзя.

Но не получилось. Надо же было водителю включить именно эту станцию и именно в этот момент. Ну, значит, так надо. Значит, и эта цель достигнута.

Наконец-то… А то он уже много лет по-всякому пытался, пытался, а любовь публики всё никак не давалась. Разное попробовал, разное. И вдруг — откуда ни возьмись этот бит, инстинктивно поставленный на повтор. И слова песни — тоже за пару часов, с лёту, залпом.

Презентовал новое творение публике и махнул в горы. Первый вышел из самолёта, первый получил багаж. Как вожак.

Однако своенравная оказалась гора, решила проверку ему устроить. Закидала камнями, заставила дышать пылью, повесила на шею раненого мужика и путь вниз отрезала.

Там, наверху, с покрывшейся инеем бородой, с окоченевшими от холода руками, он все шесть часов, пока не прилетел спасительный вертолёт, навывал недавно придуманные слова недавно вышедшей песни всё норовившему потерять сознание проводнику. Растирал его, растирал себя и пел. Упрямо, хрипло, зло пел.

Швейцарец, не знавший ни слова по-русски, в какой-то момент начал подвывать.

Гора молчала. Гора слушала. А потом то ли сжалилась, то ли мелодия ей понравилась, взяла и убрала туман.

Спасатель, кажется, был в красной каске, трос тоже вроде был красный, а остальное — больница, врачи — в памяти сильно смазалось.

Только удаляющаяся гора на прощание отчётливо одобрительно кивала своей когтистой вершиной.

Потеряли

Шестнадцатилетняя Настя девушкой была колючей: чуть что — хлопала дверью, а если уж совсем доставали, то выбегала из дома и прыгала на свой недовольно ворчащий мопед.

Выбежала она и сегодня, после того как Марина, услышав в ответ на невинную просьбу убрать комнату бесцеремонное «Отстань!», не сдержалась и кинула в дочь недоеденным яблоком. Яблоко в цель не попало, но, ударившись со всей дури о стену, оставило там пятно и разлетелось на множество кусочков.

— Ну и катись на все четыре стороны! — крикнула дочери с балкона Марина.

Настя показала матери большой палец, кое-как собрала в пучок совсем недавно выкрашенные в розовый цвет волосы и спрятала их под шлемом.

Оставшийся день Марина провела в суете: надо было и за продуктами, и в банк, и туфли из ремонта забрать. Подъехав вечером к дому на окраине Берна и увидев у себя тёмные окна, она нервно поглядела на часы: у них с дочерью был уговор, что та или приходит домой до девяти, или предупреждает, что задерживается. Зайдя в квартиру, она поняла, что Настя договор нарушила.

— Вот гадина! — проворчала Марина, раскладывая содержимое пакетов по местам. — Совсем слушаться перестала.

Злость очень быстро сменило беспокойство. Телефон Настя оставила дома. Друзья и знакомые, которых тут же обзвонила Марина, в голос твердили, что Настю сегодня не видели.

Начинало темнеть. В пустой квартире ей вдруг стало не по себе, и она включила везде свет.

— Где же ты? — пробормотала Марина, зайдя к дочери в комнату.

Там был традиционный бардак, на полу всё ещё валялись ошмётки яблока. Выкинув уже потемневшие куски в мусорное ведро, стала наводить порядок у Насти на столе, на кровати, на полках. Потом принесла тряпку и тщательно, как будто от этого зависела чья-то судьба, протёрла в её комнате пол. Закончив, села на краешек стула, ровно так села, неподвижно.

— Настенька, милая! Пожалуйста, вернись! — прошептала она, беспомощно глядя в стремительно чернеющее небо.

Посидев так, Марина решила, что надо звонить в полицию. Приехали быстро, женщина в форме че-

рез толстое стекло очков задала много вопросов, дала что-то подписать и со словами «Будем искать!» уехала.

Марина осталась одна в пустой квартире и обессиленно опустилась на стул в комнате дочери.

«Какой кошмар!» — подумала она, разглядывая своё отражение в почти чёрном окне. Она пригладила волосы рукой с одной стороны. Потом с другой. Это успокаивало.

«Всё будет хорошо, она вернётся, — говорила Марина себе, продолжая поправлять волосы. — Обязательно вернётся».

Отражение в окне медленно гладило себя по голове, потом повернулось боком и замерло, пристально и подозрительно глядя на шкаф.

«Не будь дурой, твоя дочь в жизни бы в шкаф не полезла», — в голове у Марины на секунду просветлело, но мысль о том, что Настя, возможно, там лежит без сознания, ужалила и заставила Марину нервно вскочить и распахнуть дверцы.

— Какой бардак! — радостно воскликнула она, увидев там только скомканные шмотки, и начала с исступлением аккуратно развешивать джинсы, футболки, свитеры. Убирая, пыталась вспомнить, когда же они с Настюшей переступили ту грань, после которой стало возможно кидаться друг в друга вещами и говорить гадости.

Казалось, вот они совсем недавно пускают с балкона мыльные пузыри и всё хорошо. А потом вдруг резко всё трещит, и превращается маленькая хрупкая принцесса в колючего ежа, а её не менее хрупкая мама — в мегеру. И борется ёжик с ядовитыми змея-

ми на голове у сварливой бабы, защищается как может. А мегера шипит, изрыгает проклятия… Когда, когда случился этот перелом?

Марина перематывала, как плёнку, у себя в голове последние месяцы, годы, где-то быстрее, где-то медленнее, пока не остановилась на эпизоде, когда они вдвоём делали тесто для шарлотки.

— Заколи чёлку, в глаза же лезет, — приказным тоном сказала она дочери тогда.

— Не буду, мне так нравится, — ответила Настя.

— Я сказала, заколи, глаза испортишь.

— Отстань!

Это было первое «отстань», за которым последовал первый хлопок дверью. Марина потом долго не могла смириться с неаккуратно, по её мнению, выглядящими волосами и периодически отпускала едкие комментарии вроде «моргать ничего не мешает?». И понеслось…

«И зачем я в неё яблоко кинула? Нет, она, конечно, не права была, но яблоком не надо было… Больше никогда не буду. И кричать на неё не буду. И по субботам будем весело время проводить, а то совсем мы с ней далеки стали. И почему она всё в штанах ходит, девочка же? Вот пойдём завтра в магазин, купим ей много платьев. А потом в кино…»

Марина закрыла дверцы шкафа и села обратно за письменный стол дочери. Убирать было больше решительно нечего. В доме напротив погасло последнее окно.

«Какое кино, какие платья… Где моя дочь?» — Марина посмотрела в бесконечную чёрную бездну за стеклом и начала быстро и тяжело дышать.

— Где моя дочь? Верните мне мою дочь! Верните! — повторяла она снова и снова, и слова обгоняли друг друга.

Она опустила голову на руки, задев локтем фигурку маленькой совы с лазурными глазами, стоящую на столе. Сова, с искренним сочувствием наблюдавшая за происходящим с удобной подставки, сейчас лежала на спине и, повернув голову, безучастно смотрела в тёмное небо.

Марину начало трясти, она заставила себя надеть что-то тёплое. Теперь в окне, помимо бледного измученного лица, отражались ещё и холодные зелёные глаза большой летучей мыши. Эта кофта с мышью на груди никогда не нравилась Марине, но сейчас ей было всё равно. Кофта обволакивала, окутывала, но не грела.

«Надо водки выпить, а то с ума сойду», — подумала Марина и пошла на кухню. На этикетке холодной бутылки был изображён неспокойный океан. Огромная волна нервно падала вниз и была похожа на раскрытый в ужасе клюв безумной птицы.

«Вернулась к гнезду и не нашла там своих деток», — горько усмехнулась она, наливая себе рюмку до краёв. Выпив залпом, подошла к окну. Потухшим взглядом отметила, как блестят, переливаются зелёные стекляшки в глазах у летучей мыши на кофте. Та, казалось, радовалась, что её, наконец, достали из шкафа, расправила крылья, вот-вот полетит туда, в темноту…

Марина вдруг очень ясно представила себе, как у неё звонит телефон, как незнакомый голос говорит ей самое страшное, как она выбирает венок

на рынке, как кидает первую горсть земли. И так мутно, так больно стало, будто швырнули её с балкона на девятом этаже, она ударилась об асфальт, внутри всё сломалось, но жизнь почему-то ещё теплится. Отчётливо услышала Марина в голове страшный непонятный скрежет.

На улице кто-то пронзительно свистнул, где-то сработала сигнализация автомобиля.

Когда вскоре домой вернулась Настя, то увидела, что её мать, бормочущая что-то невнятное, блуждает от одной стены к другой. Была ночь, сквозь огромные окна в квартиру пробиралась непроглядная темнота. Во всех комнатах горел свет, но всё равно было очень тускло и мрачно. Только зелёные глаза на кофте матери победоносно сверкали.

— Мамочка, мамочка! — кричала Настя, хватая её за руки и пытаясь остановить. Но Марина словно не видела дочери и лишь отодвигала её с дороги.

— Пожалуйста, перестань! — Настя в испуге отошла от бледной женщины с безумным лицом подальше. Оглянулась в поисках телефона, дрожащими пальцами тыкала в кнопки, сбивчиво объясняла, сквозь слёзы диктовала адрес.

Скорая приехала быстро.

— Что с ней? Она всё время так туда-обратно ходит! Сделайте что-нибудь! Сделайте! Вы же сможете? — Настя смотрела на доктора со страхом и надеждой.

А тот, пряча за толстыми стёклами очков умные уставшие глаза, начал задавать вопросы. Про ссору, про поведение матери в последнее время, про её странности.

Шестнадцатилетняя Настя девушкой была честной, поэтому рассказывала всё как есть. И про то, как в неё полетело яблоко. И про то, как мама постоянно что-то убирала, мыла, чистила и, раскладывая продукты в холодильник, педантично следила за тем, чтобы масло лежало именно на верхней полке посередине, а корова на пачках молока смотрела строго в определённую сторону. И даже про то, что заставляла развешивать в шкафу всю одежду на плечики по цветам — сначала красную, потом оранжевую и далее по полоскам радуги.

— А когда это началось? — спросил он.

— Когда отец ушёл, — ответила Настя. — Ей после этого порядок стал дико важен, и прямо бесило, когда что-то шло не по плану. Любой шаг влево — и всё, поехали… Кто-то опаздывает хоть на минуту, она прямо на месте усидеть не может. Потом вбила себе в голову, что я должна приходить домой в девять, платья носить, волосы закалывать. Какие платья? Я их терпеть не могу! А она прямо не могла смириться с этим, всё время смотрела на мои кожаные штаны с ненавистью. Ну а потом просто перестала сдерживаться: чуть что, сразу орала, кидалась всяким. А когда она в ярости, она очень страшная, я тогда боюсь её ужасно. И уезжаю, жду, пока успокоится.

Доктор нехорошо покачал головой и посмотрел на безрассудно шевелящую сухими губами Марину.

После его решительного «Надо увозить!» и сочувственного «Звони отцу!» что-то треснуло внутри у Насти и моментально расползлось по всему телу.

— Мамулечка, милая! — твердила она, глядя из окна своей комнаты, как туда, в черноту, уводят Марину.

«И зачем я так долго у подруги торчала? Надо было раньше прийти. Знала же, что нервничать будет…» — корила она себя.

На секунду Настя представила себе, как сидит её мама со связанными руками в палате на койке. И одеяло такое, в бело-зелёную клетку, и пахнет страхом и одиночеством, а за окном только мрак и истошный зов какой-то птицы.

Отец трубку не взял, и она позвонила маминой подруге, тёте Наташе. Та расплакалась, сказала, что её муж Александр сейчас приедет, заберёт Настю, и завтра утром они все вместе поедут в больницу.

Положив трубку, Настя машинальным движением поправила беспомощно лежащую на столе фигурку совы. Взгляд её был такой внимательный, мудрый, но не осуждающий. Во всевидящих птичьих глазах будто читалось: «Всякое бывает. Справитесь».

«Сделай, чтобы мама выздоровела! Ну пожалуйста!» — мысленно попросила Настя сову. Они купили её давно, когда мама и папа ещё были вместе. Шли за серёжками, а потом она увидела на полке эти лазурные глаза. И всё…

«Я уже с предметами начинаю разговаривать. Так и меня скоро заберут», — одёрнула себя она и пошла в ванную.

Холодная струя из крана лилась шумно, беспокойно.

На улице снова кто-то пронзительно свистнул.

У входа

У входа в собор во Фрибурге сидели двое: один держал в руках ключ, второй — какую-то тёмную крышку.

— Смотри, Саша идёт, — сказал один из них. — Сегодня с девушкой…

Надя принадлежала к тем, кто даже на экскурсии ходили на каблуках. И к тем, кто даже там всеми силами пытались быть в центре внимания. Уже успела рассказать гиду и про свой очень популярный сайт с рецептами, и про сотни ежедневных лайков, и про то, как дорого обходится нынче реклама. Саша также выслушал все её жалобы на хейтеров, советы по приготовлению стейка и планы иметь миллион подписчиков.

— А зачем вам столько? — спросил он.

— Как зачем? Чтобы было, — не задумываясь ответила Надя и сделала селфи.

— Она же никого, кроме себя, не любит, — еле слышно сказал сидящий с крышкой в руках.

— Это её недолюбили, — возразил тот, кто был с ключом.

Наде любить действительно было особо некого. В её маленькой квартирке в Питере на стенах не было семейных фотографий. Там нашлось место только для портретов пяти известных шеф-поваров и сертификата окончания дорогущих курсов повышения квалификации в столице.

Мать жила на другом конце города, и Надя появлялась там крайне редко, потому что обычно после пары стандартных фраз в идеально-вылизанной кухне идеально-причёсанной матери наступало тягостное молчание.

Сколько Надя её помнила, та всегда приходила с работы поздно и часто шла спать, так и не обняв приготовившую ей ужин дочь. Только когда Надя варила что-нибудь особенное, роняла своё «Молодец!». А так обычно повторяла слово «недостаточно».

Больше всего Наде запомнился тот день, когда третьеклассницей она с родителями пришла в какую-то квартиру, где на столе неаккуратной горой лежали джинсы, а под ними кривыми стопками стояло много розовых коробок.

— Вчера привёз, — сказал незнакомый дядька Надиному отцу, показывая на коробки.

Нагнулся, взял одну и протянул Наде. А там — Барби. Платье — в сердечках. И глаза — синие-синие.

— Нравится?

— Очень, — прошептала Надя. — Причёски можно делать.

— Положи обратно. Ты для неё недостаточно хороша, — отрезала мать. — Недостаточно помогаешь по дому. Недостаточно хорошо учишься. Да и с братом играешь недостаточно.

Надя тогда плотно сжала губы, торопливо отдала куклу и быстренько опустила взгляд на свои ботинки. Дядька пожал плечами и тут же стал показывать отцу содержимое каких-то клетчатых сумок.

Делая вид, что ей до кукол вообще больше нет никакого дела, она деловито подошла к полке с книгами и начала рассматривать корешки.

— Книги не продаются, но я могу вам дать на время почитать. Вы только выберите, — обладатель розовых коробок, джинсов и клетчатых сумок почему-то обращался к ней на «вы».

Надя взяла первую попавшуюся и уселась на пол неподалёку от стола. На обложке было написано непонятное слово «Платон» и нарисован бородатый мужчина без зрачков. Она невольно вспомнила синие глаза куклы и снова плотно сжала губы. Бородач на фоне Барби явно проигрывал, но Надя упрямо листала толстую книгу. Только дома, в кровати, она позволила себе заплакать.

«Возможно, я действительно недостаточно хороша, — подумала она перед тем, как заснуть. — Надо мне лучше стараться!»

И затем каждый день залазила на кухонный стол и, повторяя вполголоса только что выученные английские слова, старательно водила мокрой тряпкой

по поверхности холодильника. А потом, прибравшись и сделав уроки, готовила маме по рецептам из тайком купленной поваренной книги необычные блюда из того, что находила дома: картофельные розы, картошку-гармошку, варенье из помидоров.

После школы — кулинарный, устроилась в хороший ресторан. Вот, даже тур в Швейцарию себе оплатить смогла. Но и здесь, в отпуске, её каждый день начинался с того, что она утром лихорадочно проверяла, достаточно ли много лайков, достаточно ли хорошие комментарии.

— Миллион — это много. Вы себе мелких целей не ставите, — сказал Саша, и Надя расплылась в радостной детской улыбке.

Двое, сидящие у входа в собор, внимательно наблюдали за ними.

Утопия

— Знаешь, как этот мост называется? — спросил Ян у Кристины.

Та отрицательно покачала головой.

— Архитекторы дали ему имя Утопия. А это значит, что мы стоим на красивой несбыточной мечте. У тебя есть такая?

— У всех есть, — бокала абсента всё-таки не хватило, чтобы Кристина рассказала тому, с кем познакомилась сегодня, то, о чём не говорила пока никому.

А хотелось ни много ни мало: отмотать десять лет назад, не выйти замуж, не родить ребёнка, не работать обычной продавщицей. Хотелось жить по-другому, красиво, ярко жить. Может, поэтому и устроилась в ювелирный — блеск в витринах хоть

как-то компенсировал всё остальное: жалкую квартирку с треснутой раковиной, прыщавого сына, нелюбимого уже мужа.

Вчера, во время семинара по оценке стоимости драгоценных камней, ей вдруг пришло в голову, что если по такому же методу оценить её чувства к тому, кому она когда-то давно сказала «да», то дешёвка получится редкостная. Ни внушительного веса, ни чистоты… Ну как это расскажешь?

— На твои пальцы ничего надевать не надо, они и так — произведение искусства. И на шею тоже, — Ян неодобрительно смотрел на искусственный жемчуг.

Кристина пощупала бусины — подарок мужа на розовую свадьбу. Как можно было принести ей эту дешёвку? Всё-всё-всё в нём вызывало в ней отвращение. И то, как он по утрам, лёжа в кровати, долго шевелил большими пальцами ног, и то, как старательно соскребал остатки еды с тарелки, и то, как потом довольно хлопал себя по пузу. Всё-всё было в нём через меру: или слишком много, или слишком долго, или слишком скучно.

Но больше всего Кристина ненавидела, как он раз-два в месяц, выйдя из ванной, скидывал у них в спальне свой ужасный затёртый махровый халат и секунд десять стоял посреди комнаты. Что следовало потом, с помощью воображения она ещё могла как-то пережить, но вот эти десять секунд давались ей ой как непросто. Ведь надо же было восхититься, изобразить на лице что-то хотя бы издали похожее на желание. И сказать ещё что-то надо было, всё равно что, лишь бы он скорее вы-

ключил свет, скорее выплеснул ей на спину эту мерзость…

Чем, чем она глядела десять лет назад?

Ян, стоящий напротив, был совсем другим. Лысый, худой, ни одного ненужного движения, ни одного неважного слова. В мастерской — всё по полочкам, по кармашечкам, всё к её приходу утром было заранее приготовлено. Уверенно гнул и плавил металл, просто и понятно объяснял ей, как и что делать. И всё шло хорошо, пока он не начал полировать только что сделанное кольцо изнутри. Она тогда захотела сглотнуть, потом сильно закашлялась.

Протягивая ей стакан с водой, он сначала удивился, что она стыдливо отводила глаза, а после до него дошло. Он нервно сел, затем встал, опять сел, уронил инструмент, нагнулся, неловко ударился и, не глядя по сторонам, продолжил шлифовать этот несчастный кусок металла… И оба думали об одном и том же, и оба знали, что думали об одном и том же. Потом как-то всё немного выровнялось, но недосказанность осталась.

Когда урок по изготовлению украшений своими руками подходил к концу, Ян, глядя в пол, спросил, пробовала ли она уже местный абсент. После её ответа, что не пробовала, но с удовольствием попробует, им обоим всё стало понятно, вопрос был только в том, кто первый и когда переступит эту черту.

И вот они на мосту. Красивая несбыточная мечта в этот вечер популярностью у жителей Невшателя не пользовалась: тут они были вдвоём.

— Хочу снять с тебя эти украшения, — наконец сказал Ян, продолжая держать между ними всё ещё хрупкую, но дистанцию. Такую, чтобы в любой момент можно было превратить последнюю фразу в невинный комментарий опытного ювелира.

Кристина вспомнила халат мужа и просто взяла Яна за руку.

Быстрыми шагами дошли до её гостиницы.

Когда она извивалась, свет от лампы двигался от её груди к животу и обратно.

Ян попросил её не снимать платье и теперь неотрывно смотрел, как её пальцы впиваются в чёрную ткань.

На секунду в его памяти всплыло международное сборище, называемое конкурсом, где пустоглазая тётя с вгрызающимися в плечи чёрными лямками сначала несла со сцены заранее приготовленную чушь, потом всучила ему блестящую коробочку, а затем уже он говорил, что этот приз так важен для фирмы, что он подтверждает правильность выбора стратегии, и в конце ещё что-то про ценности и командный дух добавил. Улыбался и делал вид, что так горд…

А ведь жизнь так коротка, чтобы притворяться.

— Кристина, дорогая, пожалуйста, делай всё, что тебе нравится. Всё, что хочешь.

И та делала.

Ей нравилась эта правдивость и, как следствие, — вседозволенность. Потом невнятные слова быстро-быстро, и вот — свет лампы замер на её груди.

— А у тебя какая мечта? — спросила она, ложась рядом.

А тот, как оказалось, тоже время хотел вернуть. Двадцать пять лет придумывал украшения в одной большой ювелирной компании. Сначала гордился, что он, обычный парнишка из деревни, смог занять такой, на его взгляд, высокий пост. А потом понял, что всё это время — коту под хвост. Четверть века рабом у сильных мира, их ручки-шейки камешками обвешивал. Как дошло до него это — уволился, и вот теперь зарабатывает на жизнь тем, что показывает любопытным, как кольца делают.

— И тебе сегодня показал, — сказал он, приподнимаясь над ней и направляя лампу так, чтобы свет опять падал на её грудь и живот. — Пожалуйста, рассказывай мне всё, что чувствуешь, я хочу правду, я люблю правду.

Кристина, как могла, говорила, и опять ей нравилась она, эта откровенность.

«Вернусь домой, разведусь. Устала. Всем лучше будет», — думала она, видя, как Яну от правды хорошо.

Попрощались, ничего друг другу не обещая.

Утром Саша вёз Кристину в аэропорт.

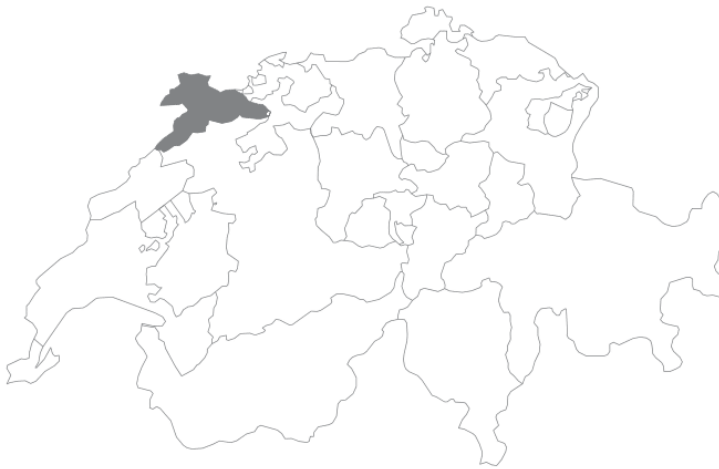
— Ну, как ваши курсы? — когда они ехали сюда несколько дней назад, Кристина рассказала, что её работодатель в качестве премии оплатил двухдневный семинар по оценке драгоценных камней в Швейцарии, транспорт и отель. И что в свободный день она забронировала посещение какого-то ателье, где можно самой сделать украшение. Он ещё удивился тогда: в Невшатель обычно все часы едут собирать, а эта вот какого-то ювелирного мастера нарыла.

— Мне делать кольца, если честно, больше понравилось, — ответила она. — Абсент местный попробовала. Мост ещё тут у вас красивый.

Про то, как Ян вчера робко просил не выключать свет и не поворачиваться к нему спиной, она, конечно же, промолчала.

А через год Саша увидел в местном журнале фотографию Кристины вместе с каким-то худым лысым мужчиной. На её чёрном платье сверкало украшение: блестящие светлые камни рассыпались на груди и тонкой струйкой стремились к животу.

На сене



На деревянной скамеечке, закинув ногу на ногу, сидел старик с длинной седой бородой и пристально смотрел на Кристину из-под густых бровей.

Она знала этот взгляд, она знала этого человека. Фотография, изображающая его именно таким — в голубой рубашке и заправленных в сапоги штанах, висела у них в школе в кабинете литературы.

Она подошла к нему поближе и присела рядом.

— Здравствуйте, — несмело начала она.

— Здравствуй, здравствуй, — усмехнулся он.

— Зачем я? — спросила она без лишних предисловий.

— Смысл жизни — любить. Любить — значит делать добро.

— То есть я для того, чтобы делать добро?

— Все люди для этого, — его глаза смотрели ласково.

Она повторила это «делать добро» несколько раз, будто забыть боялась. Он неловко погладил её по голове и вдруг пропал.

Вместо него появился известный телеведущий, поднял вверх палец и многозначительно сказал:

— Ты ведь помнишь: под солнцем палящим на плантациях в Доминикане прут снопы работящие малолетние гаитяне.

Она с мужем в прошлом году была в Доминикане. Их, как стадо баранов, привезли в пятизвёздочный отель с большой территорией, ограниченной высоким забором. Бассейны, рестораны, шоу — всё включено. Проблемы ограничивались необходимостью принять решение, в каком из пяти ресторанов они будут ужинать, стоит ли плыть за следующим коктейлем в бар посреди бассейна и на какое вечернее шоу пойти.

Развлекайся всё сильней,
Веселись, ешь да пей
И не думай ни о чём,
Даже о себе.

Стих про детей на плантациях сменила песня про остров дураков.

Не думать в Доминикане получалось первые два дня. Потом начали появляться вопросы. Почему в баре в полночь тяжёлые подносы с коктейлями носит давно беременная официантка? Сколько часов в неделю работает девушка на рецепции, которую

она видела и перед завтраком, и в обед, и поздним вечером несколько дней подряд? Где она спит и сколько она спит?

Телеведущий вдруг начал разбухать, и когда показалось, что он вот-вот лопнет, она наконец проснулась.

«Ну что я за человек такой? Другие нормально ездят в отпуска, пьют там мамахуану, не важно, кто её принёс. А я спустя год не могу забыть эту беременную с подносом», — подумала Кристина.

Ещё в полудрёме нащупала телефон, записала себе в календаре на субботу «Буду делать добро».

Она ещё не знала, как и кому, но точно знала, что будет.

Спать больше не хотелось.

Сегодня за ней заедут и отвезут обратно домой.

Сегодня — последний день её самого странного отпуска.

В этом году вместо отеля на берегу океана или в центре мегаполиса она поехала сюда, на ферму на западе Швейцарии.

Здесь ухаживала за лошадьми, кормила коров, кур и кроликов. Пекла хлеб и срывала в огороде помидоры, от которых потом сладко-сладко пахли руки. Спала на сене, укрывшись стареньким, но чистым пледом.

И каждую, каждую ночь видела замечательные, прекрасные сны.

Гадко

Из жирной массы складок, в которых угадывались очертания сидящего с растопыренными ногами женского тела, высовывались две тонюсенькие палочки, на концах которых были глаза.

— Фу, какая гадость! — поморщилась Эра. — А руки где?

— Их нет, — ответила Диана.

Диана была довольна. Ей хотелось, чтобы её скульптура вызывала именно отвращение.

— Так... — Эра глотнула воды. — Глину свою ты только вчера купила. И потом, мы всё время вместе были. Ты во сколько сегодня встала, а?

— Да я и не ложилась! — Диана старалась не смотреть в глаза подруге.

Вчерашний вечер она бы с удовольствием забыла.

Всё начиналось хорошо, по-человечески. Прилетели и, перед тем как ехать в отель, сделали крюк, чтобы зайти в музей с движущимися скульптурами. Девчонки по-доброму подшучивали, что вместо того чтобы спешить в бассейн под открытым небом, они едут разглядывать шевелящуюся груду металлолома.

Диана нетерпеливо вертела в руках телефон и твердила своё «Ничего не знаю, мы договаривались» и «Вот увидите, вам понравится».

Она действительно уже давно уговорила подруг, что перед тем как начать праздновать девичник, они заедут в этот музей. Но по кислым минам, тоскливо разглядывающим сложные конструкции, Диана быстро поняла, что ни одну из трёх её спутниц не вдохновили ни глубокий смысл скульптур, ни их мастерское исполнение.

Эра немного оживилась только тогда, когда услышала, что их автору уже почти сто лет, но он продолжает творить.

— Странный, нет чтобы лежать и ничего не делать, — сказала она.

— Думаю, он просто не может это не делать, — ответила Диана.

— Странный, — повторила Эра.

— Тут где-то рядом полимерную глину можно купить? — спросила Диана у водителя, когда они вышли из музея и вернулись в машину.

— О, опять за своё, — лениво протянула Эра. — Расслабься, подруга, ты на отдыхе. Дома будешь свои фигурки лепить. Сегодня девичник, мальчики будут нам танцевать, голые попки показывать. Какая нафиг глина?

Но Диана настояла.

А потом был отель. И много алкоголя. И мужские тела двигались под музыку, снимали с себя майки.

Эра, как виновница торжества, сидела на стуле со связанными сзади руками в окружении четырёх полуодетых с татуировками.

И всё время, пока они кружили вокруг неё, по очереди нагло дотрагиваясь до её тела, она так мерзко закатывала в удовольствии глаза, так гадко расставляла ноги, что всем, кто это видел, было противно.

Подарок

У Егора любимый пиджак был в клеточку, в синюю.

А ещё он очень любил возвращаться домой.

Да, он устроил свой дом так, как ему нравилось. Там его по вечерам ждала такая родная Анька, родившая ему трёх замечательных и уже взрослых детей, там часто пахло обожаемыми с детства куриными котлетами, и вообще, там постоянно было какое-то движение. То соседи за яйцом зайдут, то друзья со щенком приедут, то тёща гостит, то с работы кто-то заскочит. Он любил там всё: стол на своей скромненькой кухне, уже немного облупленную рамку со свадебной фотографией на стене, клетку с вечно орущим попугаем, всегда идеально чистое зеркало в ванной, непритязательную лампу в спальне.

Поэтому нехотя он собирал чемодан, нехотя ехал два часа в Домодедово из своего родного Ясногорска.

— И чего это ему приспичило вдруг? Столько не виделись, и вдруг — прилетай, у меня для тебя подарок. Билеты, говорит, оплачу, — удивлялся Егор.

Своего сводного брата Данилу он не видел уже лет семь. Тот после института уехал в Москву, потом по работе переехал в Швейцарию, и после они практически не общались. И вот, ни с того ни с сего, этот звонок, много раз повторенное каким-то слишком весёлым голосом «юбилей как-никак» и «всё будет по высшему классу».

В Цюрихе в зоне прилёта вместо брата Егор увидел незнакомого мужчину, держащего в руках табличку с его фамилией.

— Здравствуйте, а Данила где? — спросил он у встречающего.

— Даниил Андреевич? Я сейчас вас к нему отвезу, — ответил тот.

Было утро, аэропорт был полон людей.

— Не будь дурой, притворись, — говорила какой-то женщине бабка с седыми волосами и неестественно натянутым лицом.

— Ой, ты такой смешной, — сказала в трубку идущая навстречу Егору девушка с грустными глазами.

Какой-то дядька нечаянно толкнул Егора и потом, не снимая огромные солнечные очки, очень долго извинялся, показывая слишком белые, для того чтобы быть настоящими, зубы.

Вышли на улицу, а там — пронизывающий ветер и солнце, только создающее видимость тепла.

— Холодно у вас тут, Александр, — сказал Егор, когда они наконец сели в машину.

Саша что-то ответил, и завязался разговор. Об автомобилях, рыбалке, о спорте, о чём только не говорили. Незаметно прошёл час в дороге, незаметно.

А вот встреча с братом получилась скомканная. Обнялись коротко, тот будто торопился куда-то. Многое в нём показалось Егору странным: волосы — взъерошены, галстук зачем-то нацепил, на ботинках — яркие цветные шнурки и рисунок лабиринта. А главное — когда говорил, всё в сторону смотрел.

— Я тебе такое покажу, закачаешься, — Данила предложил быстро оставить у него дома чемодан и скорее ехать туда, где ждёт сюрприз.

Опять машина, опять дорога, Данила сбивчиво рассказывал про то, что за семь лет он в Базеле уже обосновался, что тут ему всё очень нравится, что дом купил недавно и какой-то известный дизайнер его там сейчас обустраивает.

Вертолёт, который их ждал, был голубым.

— Пятьсот эскимо дарить будешь? А потом в кино? — пошутил Егор.

— Нет, два часа над Швейцарией и в ресторан. Садись.

Пристегнулись, надели наушники с микрофоном.

— Смотри, вон там пиво делают. Классный, правда? — Данила показал рукой на огромный замок вскоре после того, как поднялись в воздух.

— Ага… Только одинокий, — сказал Егор, глядя на большое, сиротливо стоящее у леса здание.

Потом пролетали над городом, где жались друг к другу маленькие домики, и Егор вдруг вспомнил свой Ясногорск.

— Как дружная семья, — сказал он, глядя на одинаковые крыши.

Данила ничего не ответил, рассматривал городок.

Затем летели мимо беспокойного Рейнского водопада.

«Жаль, Анька не видит этой красоты», — подумал один.

«Будто между скал пытается втиснуться», — подумал другой.

Когда пилот приземлился на лужайке, Данила начал тараторить что-то про «самый лучший стейк», про «шикарный винный погреб» и про «всё включено». В ресторане повторил историю про покупку дома и дизайнера, долго рассказывал про люстру с хрустальными пёстрыми птицами и про аквариум во всю стену, который будут устанавливать на следующей неделе.

— Да что я всё про себя. Ты-то как? — спросил Данила.

— Я? — Егор пожал плечами. — Ну, работаю там же, с Анькой живём душа в душу. Она, правда, с этими школьными тетрадками всё зрение себе посадила, а так вроде оба здоровы.

И медленно, неторопливо рассказывал Егор брату всё как есть. Что старший сын в последнее время выпивает часто. Что младшая год назад всё-таки поступила на педагогический, несмотря на то, что Анька её долго отговаривала. Что средний уже тре-

тий бизнес пытается открыть, и сейчас там вроде потихоньку пошло.

На обратном пути в основном молчали. Глядели, как там, внизу, один за другим сменялись спокойные, честно отражающие небо озёра.

Когда водитель привёз их к дому, Данила будто немного погрустнел. Зашли, и Егору показалось там очень холодно и тихо. В гостиной — стены без полок, подоконники без цветов, какой-то ярко-красный диван, на который вообще не хотелось садиться.

— А у меня для тебя тоже подарок, — нарушил тишину Егор и полез в чемодан. Со словами «Вот, будет тебе что на стену повесить» достал картину и протянул брату.

Тот долго смотрел на изображение двоих под огромным оранжевым зонтом, нарисованное им в студенческие годы.

— Я мог бы стать неплохим художником, — сказал Данила и погрустнел ещё больше. Потом он подошёл к зеркалу и долго приглаживал там свои торчащие в разные стороны волосы.

Торт

— Смотри, какая у меня дочь красивая, — Люба протянула Вальке фотографию. — Она у меня умница.

На фотографии Аня стояла в саду на фоне замка. Длинное белое платье, свадебный букет, рядом счастливый жених.

— Если она такая умница, что ж она тебя на свадьбу не пригласила? — Валька взяла со стола полную пепельницу и понесла её к мусорному ведру.

Люба от этих слов съёжилась.

— Не смогла, — ответила она, не отводя любящего взгляда от фотографии. — Билеты очень дорогие были. Ладно, засиделась я. Домой пойду.

Дома Люба сделала себе чаю, отрезала толстый ломоть белого хлеба, достала банку сгущёнки. Потом

села за стол на маленькой кухоньке, в тишине полакомилась.

«Будь счастлива с ним, доченька, — повторила про себя, перед тем как уснуть. — Дай вам Бог здоровья».

Аня не любила нищету, в которой выросла. Поэтому на сайте знакомств целенаправленно искала мужчин посолиднее. И нашла Жоржа.

У Жоржа был свисающий живот, бульдожьи щёки и выпяченная нижняя губа. Но Жорж жил в Швейцарии, поэтому Аня старательно изображала любовь. Это дало плоды: он пригласил её к себе и вскоре сделал предложение.

Свадьбу решили справлять скромную.

Когда зашёл разговор о списке гостей и в том числе об её родителях, Жорж достал калькулятор и очень долго говорил про дорогие перелёты из Владивостока и про горячий сезон в отелях. В конце концов, прямо спросил у неё, что она думает по поводу того, чтобы вообще никого приглашать.

— Давай только мы и свидетели, — сказал он.

Аня решила не спорить. Ане очень хотелось замуж за швейцарца.

Потом Жорж уговорил её заменить свадебное платье на обычное белое и вместо изначально запланированной фотосессии в замке просто фотографироваться на его фоне. Аренду машины с водителем после долгих раздумий он решил оставить.

После свадьбы Аня послала матери фотографии, началась размеренная семейная жизнь.

Жорж много работал, домой приходил поздно. Сначала долго сидел в туалете, потом за столом, потом на кровати. Казалось, каждая часть его тела стремилась вниз, и он особо не сопротивлялся.

— Экономнее надо быть, — сказал он, когда она через три месяца после свадьбы купила торт и сделала праздничный ужин.

«Вот дура», — думала Аня потом часто перед сном.

Не получилось

— Урод, — прошипела Наташа и с ненавистью посмотрела в окно. Вдалеке из круглого здания валили люди, которые только поднялись на гору по зубчатой железной дороге и торопились быстрее сфотографировать облака под ногами.

Она поднялась сюда с совсем другой целью. Но Андрей не приехал.

— Урод, — повторила Наташа.

Наташа любила, чтобы всё было красиво. Поэтому она мазала своё загорелое тело вкусно пахнущим кремом, покупала яркие короткие платья и уставила двухэтажный дом огромными белыми орхидеями в высоких горшках.

— Ты мой цветочек! — повторял поздно возвращающийся муж.

Того, что Наташа когда-то работала танцовщицей в стриптиз-клубе, он не знал. Доверчивый швейцарец вообще много чего не знал про свою русскую жену, которую встретил два года назад на выставке. Тогда всё закрутилось очень быстро: цветы, кольца, её переезд из Липецка в Люцерн.

Не знал он и того, что сейчас в отеле на высоте более двух тысяч метров она со злостью перечитывала сообщение какого-то Андрея.

— Не сможет он… А раньше что, сказать нельзя было?

Они познакомились вчера. Наташа пришла к нему в мастерскую, положила на стол задаток. Сняв за ширмой платье, встала на подставку посреди комнаты.

— Подарок? — переспросил мастер.

— Да, мужу на юбилей, — ответила она.

Андрей насаживал глину на тонкую проволоку каркаса не спеша. Сначала долго мял её руками, потом пристально осматривал полуготовую скульптуру тёмным тяжёлым взглядом. Послушный столик податливо крутился, по первому требованию показывая ему то ещё пока несимметричные груди, то ещё грубоватые ягодицы.

Наташа заворожённо наблюдала, как он проводит деревянным стеком по внутренней части бедра, как помогает там указательным пальцем.

Девушка отвела взгляд от колдующих над глиняным женским телом рук, но куда бы она ни смотрела, всё возвращало её к развратным мыслям. Огромная картина извивающейся полуголой женщины за спиной мастера, его заляпанный чем-то белым

фартук и крепкий массивный стол — всё в этой небольшой полуподвальной комнате вдруг застонало, зашептало.

Андрей даже и не подозревал, насколько сильно он был похож на того, кто давным-давно целых три месяца украдкой приходил к ней, уже восемнадцатилетней красавице, по ночам из маминой спальни и нетерпеливо засовывал руку под одеяло. Она расстроилась, когда мать-алкашка привела в дом кого-то нового, лишила её этих всезнающих наглых пальцев, этих волнующих приказов лежать неподвижной куклой и этих мятых, оставленных на тумбочке рублей, на которые она потом покупала себе яркие помады и полупрозрачные блузки.

В голове у Наташи поплыло. Она попыталась взять себя в руки, но, услышав звук разбрызгиваемой на глину воды и увидев, как мастер смачивает струёй самые уязвимые места скульптуры, поняла, что проиграла.

Андрей не сопротивлялся, только удивился тому, как уверенно и деловито Наташа потащила его к столу. Там она торопливо нанизывала себя на него, он безуспешно тянулся руками к её маленьким грудям. Рыжие волосы распустились, растрепались, наколотая под пупком лилия похотливо растопырила алые лепестки.

— А теперь давай так, — Наташа легла на стол и, накрывшись его фартуком, как одеялом, направила его пальцы туда, где когда-то давно шарил мамин хахаль. Андрей послушно делал всё, как она говорила, и её лицо вскоре перекосилось.

«Как некрасиво она рот открывает», — подумал вдруг он.

Гипсовые головы на полках в мастерской смущённо смотрели в сторону.

Вытершись кое-как, Наташа довольной кошкой вернулась на место, где позировала. Но вместо того чтобы продолжать лепить её тело, Андрей задумчиво достал целлофановый пакет и накрыл им недоделанную, ещё влажную от брызг фигуру. Стыдливо прикрывающаяся руками женщина с кротким выражением лица исчезла под чёрным плотным мешком.

— Давай завтра повторим, только в другом месте, — Наташа представила, как будет ждать его под одеялом в номере в отеле, и всё внутри снова сладко зашептало. Андрей растерянно кивнул, и она, выйдя из мастерской, тут же забронировала номер на вершине Пилатуса… Сегодня приехала пораньше, час пролежала с закрытыми глазами в комнате с плотно задвинутыми шторами и немного раздвинутыми ногами, слушая, ну когда же, когда же раздастся этот звук открывающейся двери. А вместо этого услышала извиняющийся звук сообщения.

«Хотя бы искусственные цветы сюда поставили, тоже мне», — подумала она, глядя на пустую вазу на столике у кровати.

Встала, раздвинула шторы, открыла одинокую бутылку шампанского. Уже немного подтаявший лёд в ведёрке недовольно зашумел. Отпила прямо из горлышка, потом закрыла глаза и приложила холодную мокрую бутылку к груди. Вспомнила факел в руках одной скульптуры в мастерской у Андрея, вспомнила звук пожарных машин, проезжавших се-

годня мимо неё в городе, вспомнила горячее дыхание маминого ухажёра.

— Хорошо, — прошептала она, ощущая, как по ткани расползаются мокрые пятна.

Телефон снова пискнул: Андрей робко просил дать возможность объясниться. Через два часа оба сидели в почти пустом баре.

— Пойми, я женат, — сказал он.

— Ну и что? Я тоже замужем, — Наташа смотрела непонимающе.

— Ты её не знаешь… — Андрей как-то сгорбился, сморщился и, как виноватый школьник, опустил глаза.

Мамин хахаль никогда не смотрел виновато в пол. Наоборот, за ужином, спрашивая, хочет ли она ещё добавки, он нагло и многозначительно глядел на неё в упор, и она всегда отвечала, что хочет.

Наташе стало прохладно, она накинула кофту.

Принесли «Б52», потом повторили, но горящий напиток почему-то совсем не согрел и не опьянил её. Она смотрела холодными трезвыми глазами на него: бледного, тощего, нервного. А он теребил салфетку, боязливо оглядывался по сторонам, беспокойно что-то перекладывал из одного кармана в другой.

— Это плохо, — пробормотал он. — Очень плохо.

Наташа немного отодвинулась и скрестила руки на груди.

Андрей начал рассказывать про то, какая у него замечательная супруга. И дети — загляденье. И машина — в прошлом году куплена. И газон перед до-

мом — ровный. И что вчера всё было так быстро. И он очень извиняется.

Говорил — будто хорошо выученный урок в школе у доски отвечал.

Когда закончил, наступила неловкая пауза.

— Молодец, — наконец холодно сказала Наташа. — Извини, мне идти надо.

Андрей остался один.

В центре зала стояла скульптура женщины с крыльями, с оголённым животом, еле прикрытыми бёдрами и в обтягивающем грудь топе. И как бы он ни старался смотреть на крылья, взгляд возвращался к животу, туда, где ткань перекрещивалась и, казалось, вот-вот упадёт.

«Она же мне нравится», — подумал Андрей.

«Один же раз живу», — обожгла его вторая мысль.

Немного выпрямился, отложил в сторону салфетку.

— Принесите мне что-нибудь холодное, колы, наверное, — попросил он официанта.

Андрей закрыл глаза и вспомнил изящные пальцы Наташи, откладывающие в сторону длинную тонкую соломку. Он сглотнул, но во рту — сухая пустыня, воды бы, воды.

И, как всегда, когда он думал о чём-то неправильном, в памяти всплыл образ его матери с её вечно зализанными волосами и вечно поджатыми губами.

«Ты будешь скульптором», «Эта девушка тебе не подходит», «Жену на руках носить надо» — её команды обычно не подлежали обсуждению. Но красный цвет ламп в баре и несколько горячих коктейлей сделали Андрея чуть смелее.

— Что сегодня? — спросила она металлическим голосом.

— Наташа. Очень красивая. У неё пальцы тонкие-тонкие. И блузка вишнёвая, полупрозрачная, — мысленно ответил Андрей, и образ матери в голове тут же влепил ему пощёчину.

Принесли колу со льдом. Андрей рассчитался и понуро вышел из бара, даже не дотронувшись до напитка.

Через неделю Саша получил заказ на доставку скульптуры из мастерской в Люцерне в частный дом. Бледный, измученный, понурый мужчина в фартуке, казалось, нехотя отдавал вылепленное им тело.

После

Ника закрыла глаза.

Спокойная мутная река. В небольшой лодке — девушка. Белое платье, собранные в хвост длинные волосы. Ничего не ждёт, никуда не плывёт, просто рассматривает берег. А там — голые поля и редко стоящие деревья.

«Почему я постоянно вижу себя в одиночестве? То я одна в лесу, то посреди реки», — подумала Ника, но глаза не открыла.

И, как по заказу, в воображаемой лодке рядом с ней стал медленно вырисовываться женский силуэт. Курносый нос, очки, пристальный взгляд будто спрашивает: «Ну, что скажешь?»

Ну что она могла сказать? И не убежишь ведь никуда, от себя ещё никто не убегал. Надо было про-

должать сидеть напротив человека, которого ты предал и который сейчас молча задавал свой резонный вопрос: «За что?»

Затем начали появляться другие, кому Ника когда-то сделал больно. Их было на удивление много, этих людей, и они прибавлялись и прибавлялись.

Лодка понемногу стала клониться вбок, явно не выдерживая такого дисбаланса между девушкой с одной стороны и кучей народа с другой.

«Простите», — прошептала она, и всё замерло. Люди, застыв, смотрели на неё, она, не двигаясь, — на свои повёрнутые к небу ладони.

Ника почувствовала, как первая слеза проложила свою дорожку, за ней последовали другие. И те, перед кем она склонила виноватую голову, стали потихоньку исчезать из лодки, растворяясь в воздухе.

Девушка осталась одна, но ненадолго. Рядом с ней вскоре начал вырисовываться новый силуэт. Тот, кто так и остался недочитанной и непонятой книгой.

Мужчины, аккуратнее, вы же не знаете, как долго может вянуть душа и как долго вас потом ещё ищут глазами, раздвигая утром занавески, в толпе, в потоке машин.

Девушка не шевелилась — просить прощения легче, чем прощать.

Она посмотрела на него внимательно. Кто знает, может, тогда, давно, он тоже был весь перебинтованный, с душою в дырках, а она и не заметила. Девушка пересела поближе и обняла его.

«Пожалуйста, будь счастлив», — сказала она, и мужчина исчез.

И снова — одна. Всё тот же берег, то же спокойствие. Только неподвижная река перестала быть мутно-серой и стала прозрачной.

Вдруг стали подплывать другие лодки. Сначала — с теми, кто в тяжёлый момент рядом был. Потом — с другими людьми, которые ей когда-то добро делали. Много, много их было. Постепенно вся река заполнилась, казалось, что весь земной шар был там, вся вселенная.

«Спасибо всем вам», — подумала Ника, и после этих слов разом всё исчезло: река, люди, деревья. Только бескрайнее голубое пространство осталось — неподвижное, беспечное, счастливое.

Ника открыла глаза нехотя, нехотя вернулась из выдуманного рая, где все прощают и все прощены и повсюду — только благодарность.

«Наверняка он сюда не раз приходил, — Ника оглянулась на дом, где более пятисот лет назад жил местный святой. — И тот камень, который в его комнате вместо подушки, скорее всего, тоже откуда-нибудь отсюда взят».

Вернулась к Саше в машину. И внутри — светло и чисто, и солнце сквозь стёкла греет, и речка неподалёку блестит, радуется.

После того, как тронулись, Ника какое-то время задумчиво на ладони смотрела. А потом — решительно телефон взяла.

У Таисии Павловны телевизор работал практически круглосуточно, поэтому звонок дочери она услышала не сразу. Сначала расспросила про здоровье, потом стала торопливо рассказывать про последние события своей размеренной жизни: что

вчера градусник разбила, что сегодня соседка в гости зашла.

— Ты прости, мам, что я так редко приезжаю, — сказала в самом конце разговора Ника. — И спасибо тебе за всё.

После звонка дочери Таисии Павловне, до этого хлопотавшей по дому, вдруг захотелось присесть.

«Да и я могла бы в детстве с ней больше времени проводить, — подумала она. — А то всё время работа, всё время какие-то командировки».

Посидев в тишине, она попыталась перезвонить дочери, но у Ники было занято.

Машина везла говорящую по телефону девушку в белом по длинной дороге. И с каждым километром небо становилось всё голубее, всё счастливее.

Чёртов мост

В детстве, когда Юлия спрашивали, кем он хочет стать, он без раздумий отвечал, что полководцем. Но судьба распорядилась по-своему, и, вместо того чтобы вести войны, он вёл дела в небольшой частной авиакомпании.

«Быть CEO, в принципе, то же самое, — размышлял он. — Конкуренция — это противостояние, конкуренты — враги, просто надо быть быстрее, лучше и сильнее. Тогда и победа».

Но в последнее время дела шли откровенно плохо — оборот падал. Не помогала ни агрессивная реклама, ни новые рейсы к Средиземноморским курортам.

Несмотря на это, в давно запланированную поездку с сыном Коленькой Юлий всё равно поехал.

Сын уже пять лет занимался пятиборьем, скоро был чемпионат, и отцу хотелось как-то простимулировать и сына, и заодно его тренера.

Швейцария, суворовские места… Отец представлял себе, как приведёт Коленьку на Чёртов мост, как тот заслушается рассказом о великом сражении, как потом скажет, что тоже хочет не проиграть больше ни одного соревнования.

Коленьке было уже пятнадцать. Ему нравились девочки и Бали, поэтому к идее проехаться с отцом по суворовским местам он отнёсся, мягко говоря, прохладно. Но тот настоял.

Прилетели в Цюрих, сели в такси. Там сын воткнул наушники, надвинул на глаза шапку-носок и проспал до самого Андерматта. Тренер Святослав Игоревич всю дорогу молча смотрел в окно — полуприкрытыми глазами. Он вообще всё делал с полуприкрытыми глазами: застёгивал молнию на своём неизменно синем спортивном костюме, материл Коленьку на сборах, рассматривал чужие медали.

По приезду сын оглядел с балкона номера неторопливые скучные улочки и всё-таки решил позвонить на рецепцию. Нет, он не ошибся: делать ему тут было решительно нечего. В гольф он не играл, шастать по горам не любил, да и в соседний городок ради памятника Вильгельму Теллю ехать не собирался.

— Скоро соревнования, — начал за обедом отец.

— Да, скоро, — пробормотал Коленька.

Зазвонил телефон. Отец недовольно поморщился, но взял.

— Юлий Сергеевич, тут все пилоты заявление написали. Все пятнадцать, — у Катерины из отдела

кадров голос был ровный. — Конкуренты переманили.

«Охренеть», — успел подумать он, прежде чем Катерина сказала, что тоже уходит.

Свой стейк Юлий Сергеевич дожёвывал молча.

— Люстры у них тут не светят почти, — пробурчал он, выходя из-за столика.

В тот вечер в баре он взял с собой в номер бутылку водки, поэтому на следующее утро гида Александра встречал на рецепции с головной болью и в солнечных очках.

— А почему Суворов ни одного сражения не проиграл? — спросил Юлий Сергеевич, когда все сели в машину.

— Так он тренировал солдат постоянно, — ответил гид. — И правильно так тренировал, толково. И жил, как они: кашку ел, плащик солдатский носил. И любил их, по-отечески так любил…

— Правильно тренировал, говоришь? — отец взглянул на Святослава Игоревича, который всё так же безразлично смотрел в окно, и недовольно поджал губы.

— Кашку ел, говоришь? — в его памяти всплыл счёт за вчерашний дорогущий стейк и одна и та же затёртая юбка Катерины.

— Любил, говоришь? — он посмотрел на откровенно скучающего на заднем сиденье сына.

Когда подъехали к памятнику сподвижникам Суворова, запланированного разговора не получилось. Коленька, после того как выслушал рассказ гида про подвиг великого полководца, упорно молчал.

— А ты бы хотел тоже всё время побеждать? — всё-таки спросил отец.

Сын посмотрел на высеченный в камне крест, на зеленоватый венок, отвёл взгляд и сказал то, что хотел сказать уже давно:

— Я не хочу больше пятиборьем заниматься.

Юлий Сергеевич достал из рюкзака бутылку, сделал глоток и куда-то сел. Он взял с собой водки, чтобы помянуть погибших тут русских солдат, но тут появился другой повод.

— Почему? — спросил он.

— Просто не хочу, — сын всё ещё смотрел в сторону, и отцу вдруг стало ясно, что бороться бессмысленно.

Тренер Святослав Игоревич повернулся и побрёл в сторону Чёртова моста. Там он, скорее всего, всё так же из-под полуприкрытых глаз долго наблюдал быстрое течение неизвестной, непонятной ему реки.

А Юлий Сергеевич пристально посмотрел на гида, который сегодня в рецепте побед Суворова так неожиданно упомянул слово «любовь». Потом подумал, подошёл к сыну и обнял его, крепко так, поотечески обнял.

Затем медленно достал телефон, набрал Катерину из отдела кадров:

— Екатерина Васильевна, я завтра возвращаюсь, пожалуйста, организуйте мне встречу со всеми пилотами. И сами приходите. Поговорить надо, — попросил он.

Юлий Сергеевич ещё не знал, что именно им скажет. Но почему-то ему казалось, что всё обязательно будет хорошо.

И ты тоже

Разглядывая заплаканное лицо подруги, Юля задумчиво сказала:

— Мне недавно сон снился. Будто стою я на какой-то торговой площади, а там человек в шубе слова продаёт. Представляешь, слова!

К нему подходят люди, торгуются. Мороз, они в очереди с ноги на ногу переминаются. Вот кто-то купил слово «лошадь», и теперь он может один раз его использовать. Люди подходят с большими сумками, закупаются словами сразу на неделю для всей семьи, берут блоками слова «я» и «ты», «дать» и «хотеть».

Я подхожу поближе к прилавку и вижу, что некоторые слова очень дорогие, некоторые очень дешёвые, некоторых слов — много, некоторых — мало.

Каждое выгравировано на коробочке, чем-то напоминающей золотой слиток.

У меня десять монет. За эти деньги я могу купить одно очень модное слово «челлендж», но прохожу мимо, мне пока его не надо. На слово «свобода» денег не хватает, оно почему-то считается эксклюзивным. И вот я стою, выбираю, пока мои глаза не останавливаются на слове «спасибо», которое стоит одну монету. Я покупаю десять штук, аккуратно складываю их в мешочек и ухожу.

Почему-то уже не зима, а лето, дорога пыльная, вдоль дороги слева и справа стоят люди с корзинами. У каждого две корзины: одна белая, другая чёрная. В белую корзину люди собирают хорошие слова, в чёрную — плохие.

Я иду и внимательно смотрю по сторонам, ищу, кому бы раздать свои «спасибо». Настроение хорошее, идти легко.

Вижу, что справа стоят родители, сестра и бабушка. Я подхожу к ним и каждому даю по одному слитку с этим словом. Я не могу сказать им, за что я их благодарю, ведь, кроме «спасибо», у меня никаких других слов нет. Я не купила коробочки со словами «вера», «дружба», «любовь», «защита», «понимание», но они мне и не нужны. Родители, сестра и бабушка и так знают, почему я им их даю.

Друзья от моих попыток положить им что-то отмахиваются. В том числе и ты.

Дальше стоит мой бывший. У него чёрная корзинка почти полная, но я вижу, что и в белой тоже что-то есть. Мысленно благодарю его за все годы

совместной жизни и за наших детей и кладу ему в белую корзинку своё «спасибо».

После этого иду дальше, вижу своих трёх детей, но как только подхожу к ним поближе, Лиза исчезает…

Вот мы недавно с тобой в церкви в Лугано были, там нам гид про фреску с Христом рассказывал. Он говорил, говорил, а я вообще не слушала. Стояла и думала, что у каждого в жизни есть свой Иуда и свой путь на Голгофу.

Может, это богохульство — так говорить, но мне кажется, я знаю, каково ему там, на кресте, было. Как мне в первый день после той выписки из роддома.

Я тогда вышла из дома как робот. Пошла куда-то только потому, что мне так сказали. Каждую минуту думала о том, что надо держаться, надо не реветь. Старалась поддерживать разговор. Хоть иногда улыбаться. Какой-то автобус… Там мама села на сиденье, а я специально осталась стоять около окна, чтобы хотя бы на пару минут остаться одной. Просто помолчать, чтобы не надо было говорить, не надо было притворяться.

Через пару дней мама улетела обратно в Россию, даже не дождавшись похорон Лизы. Я сначала обиделась, но сейчас поняла. Это невыносимо больно — видеть страдания своего ребёнка. Позже мама рассказала, что в тот день в автобусе она видела, как я стою у окна и ломаюсь на части, и что она в тот момент ломалась вместе со мной.

Лиза прожила всего девять часов. Улетела на небеса к другим ангелам. А я осталась тут, и мне

было плохо и больно. Больно её терять. Больно возвращаться из роддома с пустыми руками. Больно хоронить. Жить, дышать — всё больно.

Я до сих пор не понимаю, как мне тогда в больнице удалось сохранить спокойствие. Да, я очень много плакала, но не билась в истерике.

Машина искусственного дыхания не помогла. Лишь на короткие несколько минут уровень кислорода повысился и моя звёздочка приоткрыла глаза. Будто прощалась, будто отпустить просила.

Потом я услышала от врача, что больше сделать ничего нельзя. Я готова была умереть прямо там, рядом с ней. Но я держалась, держалась ради неё, ради тех последних минут, что нам осталось провести вместе.

Лизу положили мне на грудь. Она лежала тихо, как будто спала. Врач подходил слушать её замедляющееся сердечко, пока оно совсем не остановилось.

Слушай, я — самая обыкновенная женщина. Езжу на автобусе, покупаю на распродаже платья, картошку чищу. И я с этим справилась.

И, поверь, таких самых обычных, которые могут больше, чем кажется на первый взгляд, много.

В том числе и ты.

Поэтому вытирай свои слёзы и иди вперёд.

Ты это можешь.

Аэропорт, фонарь, аптека

Кровь изо рта у стоящего рядом мужчины потекла торопливо. Он с удивлением посмотрел на руку, которой только что провёл по губам, с испугом огляделся и некрасиво упал. Лара в шоке смотрела то на блестящую лысину, лежащую на полу аэропорта, то на оранжевые носки, выглядывающие из-под штанин. Кто-то подскочил к мужчине, начал его тормошить, щупать пульс, очень быстро появились врачи.

— Пойдём, — сказал Толик. — Мы тут никак не поможем.

Лара машинально взяла ручку чемодана и поторопилась за мужем.

— Как думаешь, спасут? — спросила она, догоняя.

— Не знаю, будем надеяться.

Табличку с их фамилией в руках встречающего они увидели сразу.

Воспоминание о неподвижной глянцевой лысине неотступно следовало за Ларой. Они уже сели в чёрный минивэн и отъехали от аэропорта, а она всё блестела у неё перед глазами.

— Александр, а какое у вас в Швейцарии любимое здание? — спросила Лара водителя, пытаясь хоть как-то отвлечься.

— Любимое здание? Мой дом, конечно, — засмеялся Саша. — Там мне лучше всего!

Саша должен был везти парочку в городок Вальс. Заказчик предупредил, что дама — хозяйка архитектурного бюро. И очень интересуется церквями.

Он ожидал увидеть такую харизматичную особу с ярким платком, небрежно обёрнутым вокруг шеи, но архитектором оказалась молодая женщина на высоченных каблуках в скучном деловом костюме.

Её спутник вальяжно развалился в кресле автомобиля.

— Как долго до отеля ехать? — спросил он у Саши.

— Часа два.

Губки Толика недовольно сжались, но вскоре расслабились и разомлели, рот приоткрылся и засопел.

Лара достала блокнот и всю дорогу рисовала и стирала, рисовала и стирала. Ей с детства нравилось придумывать большие видные здания. Спасибо маме, заметила талант дочери, отдала в художественную школу. А потом институт. Через две недели после того как Лара поступила, мама умерла. Купола

в местной церквушке в день её похорон блестели, искрились, и Лару это злило. «Чего радуетесь?» — думала она тогда.

Она вспоминала эти купола потом часто, особенно когда готовилась к экзамену по истории архитектуры на третьем курсе.

«Будто других символов нет, — удивлялась Лара, рисуя шапочки у соборов во Владимире, Киеве и Новгороде. — И к чему эта роскошь?»

И вот через семь лет после того как она получила диплом и создала своё архитектурное бюро, вдруг нарисовался этот олигархишка с виноватыми глазами, который захотел в родном городе церковь отгрохать.

— Сделайте так, чтобы очень круто было, ну чтобы все прямо ахнули. Деньги не вопрос, — сказал он ей и дал два месяца на разработку проекта.

Лара поняла, что это шанс. За семь лет работы она спроектировала много самых обычных зданий. Так, ничего особенного. Просто места, где можно спать и работать. А хотелось признания. Архитектурной премии. Той, которую в России пока ещё никто не получал… Той, которую с Нобелевкой сравнивают.

Лара сжала губы и потёрла виски. Как именно сделать так, чтобы без всей этой позолоты, но чтобы все ахнули, пока было непонятно. Недалеко от городка в Швейцарии, куда они сейчас направлялись, была капелла, которая ту желанную премию получила. И Лара очень хотела зайти внутрь, ощутить атмосферу, понять, за что. Но это — завтра утром. А сегодня… Сегодня надо добраться до отеля, разложить чемоданы.

Муж забронировал в отеле номер с прозрачной стенкой в душе и с диванчиком напротив кровати. Тут они должны были провести выходные.

Вечер внешне прошёл расслабленно и неторопливо. Сидели на балконе, смотрели на тёмные горы. «Как женская грудь», — думал он. «Как купола-блюдца», — думала она.

Толик пил коньяк и курил сигары. Лара пила вино и продолжала рисовать и стирать стены церкви для виноватого бизнесмена, только теперь уже в голове.

Толик представил, что за ними кто-то подсматривает, и подтянул тело супруги поближе. Лара закрыла глаза и представила, как ей вручают премию.

На улице было тепло. Таких тёплых ночей у них в жизни уже было много. Они обычно тянулись лениво, неспешно и скучно.

Утром Лара поехала в капеллу. Каплевидная форма здания, окна под крышей по периметру, вертикальные деревянные балки — всё было как на фотографиях. Она присела на одну из скамеек. Лучи света пересекали по диагонали всё пространство и падали на стену слева. Много лучей.

«Хорошо тут», — подумала Лара. И вспомнилось вдруг детство, песочница, пластмассовая бутылка с водой, игрушечный шпатель, вечно сопливая подружка Нина и та радость от того, что песок такой послушный и она, как волшебница, превращает его во что захочет. Вспомнились мамины бутерброды с колбасой и тёплый сладкий чай.

И стыдно стало, что всё-таки согласилась позвать сегодня к ним в номер за деньги девушку, как муж

выразился, «для разнообразия». И ещё стыдно стало за то, что настроила такого же дерьма, как вчерашний ресторан или их отель, где люди просто жрут и спят. Некоторые — как Толик — причмокивая и за столом, и в постели.

«Гадкая я, гадкая!» — Лара встала и пошла туда, где лучи врезались в стену. Повернулась так, чтобы они падали на её голову, и зажмурилась. И уже не было видно ни морщин, ни немного выступающего подбородка, только ясное, чистое, умиротворённое лицо покорно стояло напротив света. Лучи грели, обнимали, растопляли. Лара заплакала, не понимая почему.

«Молодец архитектор, за дело ему премию дали, — думала она, возвращаясь обратно в отель. — Так не каждый умеет, чтобы до слёз».

Толик встретил супругу с похотливо блестящими глазами.

— Я уже договорился, — заговорщически сказал он. Лара просто пожала плечами.

Остаток дня провели кто как: она рисовала на балконе, он шатался по спа и ресторанам. Ужинали вместе.

Пунцовому рту Анатолия на растерзание достались устрицы. Рот ловко и быстро сгребал тельца, оставлял их на короткое время полежать на кончике языка, доставляя этим своему хозяину немыслимое наслаждение. А тот даже и не думал скрывать удовольствия, каждый раз закатывал глаза, перед тем как разрешить очередной порции проскользнуть в широкое горло и шмякнуться в желудок. Пока он шумно глотал устрицы, она ковыряла что-то в форме башни.

В десять вечера в номер постучали. Та, которая должна была быть третьей, оказалась китаянкой. Ей предложили выпить.

Лара наблюдала, как девушка маленькими пальчиками нервно гладит ножку бокала, как губки мужа нетерпеливо подёргиваются.

Была в гостье та наивность и хрупкость, которую никак не ожидаешь увидеть в проститутке. Светлые, открыто смотрящие глаза, тонкие руки, лотосы на юбке и это маленькое сердечко на запястье — всё казалось таким невинным и чистым.

«Милая», — вдруг подумала Лара. И не стало мыслей про то, что секс за деньги — это гадко, и совсем исчезли из головы чертежи, церкви, купола. Даже причмокивающий Толик, и тот стал почти незаметным, неслышным. Вместо этого мусора из звуков и мыслей осталось только одно очень ясное и простое желание — подарить этой девушке радость. Хрустальное стремление, чтобы другому человеку рядом было просто хорошо.

Лара так и сказала гостье: «Я хочу, чтобы тебе было хорошо». Правда, долго собиралась с духом, голос всё равно дрогнул, потом бокал рукой задела, чуть не упал, но всё же сказала… А та — сначала недоверчиво, а потом доверчиво улыбнулась и поближе к Ларе подвинулась, волосы ей поправила. Лара от этого осмелела, и вот оно, её первое прикосновение к руке, и вот она, женская грудь, совсем рядом. Сглотнула и — будь что будет — дотронулась. А там — волнительно мягко, в ладошку помещается.

«Пуговицы, да быстрее вы!» — эти слова про себя несколько раз, но до конца расстёгивать не ста-

ла, Ларе нравилось, как две красавицы в прятки играли.

А потом близко-близко губы, пахнущие мандарином. И вот оно, жадное, первобытное, понеслось. Струя воды в душе, и два мокрых зверя друг напротив друга. А потом кровать, и всё уже не так торопливо.

— Так нравится? — спросила одна.

— Давай так, — ответила вторая.

И всё было очень честно, два красивых женских тела попеременно изгибались, извивались, открывали самое сокровенное. Китаяночка, перед тем как замереть, повернула лицо к Ларе, хотела, чтобы та видела, как ей хорошо.

И тут о своём существовании напомнил Толик, который всё это время просто наблюдал за происходящим.

— Значит, в попу любишь? — спросил он гостью и пристроился сзади.

Он был резок и груб, но пьян, поэтому, к счастью, пыжился недолго.

Лара подвинула храпящего мужа на край кровати, а потом долго целовала китаяночку там, где он недавно побывал, будто извинялась.

Двум женщинам можно всё, всё красиво.

Затем курили на балконе. Одна — в полузастёгнутой блузке, другая — в яркой рубашке на голое тело. Сначала издалека было видно два силуэта, потом они стали одним, и вот он, полукрик-полугимн женской любви, летит по маленькому спящему городочку.

Утром девушка ушла. Лара после долго смотрела на то, как лучи подкрадываются к её супругу, уже ноги

в лучах, и спина, и затылок. Несмотря ни на его скотское поведение несколько часов назад, ни на растерзанных устриц, ни на постоянное желание получить ещё больше удовольствий, обнимали лучи и его. Как своего обнимали, как равного, как родного.

«Церковь должна быть не блестящей, а светлой, — Лара схватила блокнот. — Полной лучей».

И как-то само собой нарисовалось стеклянное здание в форме уличного фонаря со множеством балок из дерева вдоль стен и крыши.

«Дерево будет делить свет на лучи. Много лучей будет. Каждому достанется. Каждый умоется».

Толик проснулся помятый и несчастливый. Его рот перемолол завтрак, залил всё это дело соком и кофе и с нетерпением ждал, когда же хозяин закатит от удовольствия глаза. Но хозяин недовольно выпятил нижнюю губу. Хозяину было нехорошо.

Выписались из отеля, погрузили чемоданы в минивэн Саши, который приехал, чтобы отвезти их обратно в аэропорт.

— Как долго ещё ехать? — спросил Толик после того, как скрылись из вида и город, где живёт китаянка с маленькими пальчиками, и горы, похожие на женскую грудь.

— Часа полтора.

Губки Анатолия недовольно сжались, в животе некрасиво заурчало.

— Мне нужно в туалет. Срочно, — сказал он.

— До ближайшей бензоколонки восемнадцать минут, — Саша беспокойно посмотрел на зеленоватое лицо своего пассажира. — Мы на трассе, быстрее нельзя.

Толик недотерпел. В машине запахло.

— Это всё устрицы, — виновато бормотал он, после того как вышел из туалета и переоделся во что-то из чемодана. Потом замер, прислушиваясь к происходящему внутри его отравленного организма, и, не говоря ни слова, развернулся и побежал обратно, туда, где стояла страшная вонь.

В аптеке купили памперсы для взрослых и пакеты для рвоты, кое-как доехали до аэропорта. С Сашей попрощались скомканно, стыдливо опустив глаза, оставили много на чай. В зоне вылета сели поближе к туалету. Толик постоянно бегал туда-сюда.

Самолёт задерживался. Лара достала лэптоп, но прежде, чем переносить проект церкви-фонаря с блокнота на компьютер, решила сходить за кофе. Не заметив разлитый кем-то у барной стойки сок, она поскользнулась, на секунду удивлённо подлетела в воздух, а потом ударилась затылком о пол.

Толик, выйдя из туалета, сначала увидел толпу людей у кафе, потом оранжевые туфли своей супруги, а потом кровь, торопливо текущую из-под её головы.

Появились врачи.

Бабка

Лера сидела в маленькой кухне и стеклянными, всё ещё перепуганными глазами смотрела на мятую, в жирных пятнах, скатерть.

— Хочешь ещё чего? — баба Аня подлила ей тёплую жидкость, пахнущую дурманом.

— У тебя покрепче ничего нет? Мне бы стресс снять, — Лера отодвинула грязную тарелку с остатками макарон.

Баба Аня принесла какой-то местный ликёр с голубой этикеткой.

— Так, теперь Антону надо звонить. Пусть забирает… Не поеду я ни на каких автобусах, — Леру быстро развезло, и она, уже пьяная, диктовала ему адрес, а потом долго курила на крыльце.

Через пару часов к тёмному, выжженному солнцем дому бабы Ани подъехала машина Антона.

Он застал Леру, сидящую за столом на кухне, перед пустой бутылкой.

Спутанные волосы, ответы невпопад, казалось, нехотя встала, нехотя пошла за ним. Вот такую, в мокрых штанах и пахнущую каким-то уксусом, привёз к себе домой.

«Я же не могу её одну в таком состоянии оставить», — думал он, но, на самом деле, совсем не забота заставила его сделать это. Он знал, знал, что привези он Леру в её маленькую квартирку, подожди, пока она уснёт, и уйди, то ничего страшного с ней бы не случилось. И прятал, прятал от самого себя мысли о том, что ему просто хотелось, чтобы эта красивая женщина, наконец, лежала бы в его кровати.

«Я же не могу её такую грязную спать положить», — сказал он себе, снова зная, что не желание делать добро движет им, а просто появилась возможность раздеть ту, о которой давно мечтал. Сначала притворно отводя глаза в сторону, а потом уже без стыда разглядывая, Антон раздел Леру и потащил в ванную. Там она покорно сидела под струёй воды, покорно поднимала руки, а он водил мыльной рукой по телу везде, упиваясь той вседозволенностью, которую имел.

С ещё одной мыслью, «Так, на всякий случай, чтобы лучше спалось», он дал ей таблетку крепкого снотворного, и Лера уснула сразу же, как только положила голову на подушку.

Антон замер, глядя на её безмятежное лицо.

«Я просто посмотрю ещё раз», — подумал он и быстро, чтобы остатки рассудка не остановили его, откинул одеяло.

«Нехорошо это», — на секунду вспыхнуло в голове. Антон посмотрел на себя в зеркало у кровати. А там — массивные челюсти, большие навыкате глаза и шрам на щеке — память об отце-алкоголике. И рядом — отражение хрупкой, спящей, светлой.

Что-то бесовское промелькнуло в его глазах, разрослось и осталось. Хищным взглядом он посмотрел на Леру, потом выключил свет и в темноте, в черноте, долго делал с телом этой мало что понимающей женщины всё что хотел.

Лера проснулась поздно, с головной болью.

Антон, одетый, чисто выбритый, протянул ей кофе. Тараторил что-то, неважно что, лишь бы заглушить этот страх, что она вспомнит его животное сопение и устроит скандал. Уже приготовился рассказать ей сказку про то, как она сама откинула одеяло и прошептала похотливое: «Чего ждёшь?»

Но Лера не помнила.

— Вышла очень рано… — стала рассказывать она, обхватив голову. — Сначала на фоне озера фотографировала… Потом чуть в сторону отошла, чтобы людей поменьше было. Дерево красивое было… Потом тропинка, потом ещё что-то… Короче, заблудилась я… Телефон не ловил ничего. Шла, шла вперёд… Долго шла… Плакала… Страшно было… А потом бабку эту встретила. Я как её увидела, ещё больше испугалась: взгляд колючий, юбка эта длинная, в руках ветки какие-то. Первая мысль — ведьма. Иди за мной, говорит. Сказала,

накормит и на автобус посадит. Ну, я пошла, что делать.

Идём, я спрашиваю, правда ли это, что в этих местах последнюю ведьму в Швейцарии сожгли? Помнишь, нам Сашка что-то про это рассказывал. Она говорит, правда. Говорит, служанкой была, забеременела от хозяина, а он, чтобы избежать проблем, начал всем про какие-то иголки в молоке рассказывать.

Бабка потом всю дорогу повторяла, что та, которую казнили, невиновная была. И что вообще всё плохое, что делаешь, потом возвращается. Тогда я её бояться и перестала.

Потом пришли к ней, она мне чаю первым делом налила. Вкусный был, очень вкусный, сладкий очень. Потом она ликёр принесла. А потом ты приехал, мыл меня вроде, а дальше темнота.

Недели через три Лера, обхватив голову, сидела у себя на кухне. В тот день она с недоумением выслушала сначала поздравления врача, потом ахинею Антона про «сама просила» и про её «умоляющие глаза». Она ничего ему не ответила, развернулась и ушла. Зашла куда-то, купила водки. Дома достала рюмку, включила что-то грустное… Поставила перед собой зеркало.

А там — красивая тридцатипятилетняя, три года назад пережившая развод с тем, кто поднимал на неё руку, и с тех пор всё пытающаяся найти своё счастье.

— Ну что, поздравляю с ещё одним козлом в твоей жизни, — Лера чокнулась со своим отражением, выпила и тут же налила себе снова.

— Плачь, плачь, дорогая, тут без слёз никак, — Лера выпила вторую рюмку и закурила. И так, закусывая оливками прямо из банки, периодически щёлкая зажигалкой, один за другим поднимала тосты. Потом, уже мало что понимая, побрела в спальню.

На следующий день местные газеты печатали её фотографию, писали про пожар и строили предположения о том, что Лера перед трагедией курила в постели.

«Я не виноват, не виноват», — повторял Антон, не сводя глаз с её чёрно-белого изображения на первой странице, но знал, знал, что это не так. Вспомнил вдруг бабку с колючими глазами, Лерины слова о том, что всё плохое возвращается, и испуганно огляделся.

Белеет чёрное

— Знаешь, я не очень хорошая мама. Да что там, я откровенно хреновая мать. Ты извини, конечно, что я так грубо, но я заранее речи не писала. Думала, приду, на месте разберусь. Вот сижу, по ходу разбираюсь.

Плакать хочется. Глупо, только пришла и сразу в слёзы. Сейчас, подожди… Хотя ладно, буду плакать. Меня тут всё равно никто не знает. Только ты.

Я знаю, это я виновата. Мне муж говорит, что я придумываю, но он неправ. Точно неправ. А я права. Это я виновата.

Так странно, я-то думала, что счёт выставляется тому, кто натворил. Но нет, оказывается, не всегда.

А вот этого я не знала. Послушай, Мария, я этого не знала. Так сказать, с условиями договора не ознакомилась. Не выдают его на подпись при рождении. Так, только по набитым шишкам догадываешься, что там мелким шрифтом написано.

Побежала к любовнику на свидание? Бам!!! Упала с лестницы, сломала ногу.

Не вернула долг? Бам!!! Угнали машину.

Просто соврала? Бам!!! Прикусила язык.

Слушай, я не дура, я всё быстро поняла: всё возвращается. И это окей, я согласна, что если я натворила, то буду и платить.

Но вот то, что моя дочь из-за моих абортов теперь забеременеть не может, это, конечно, неожиданно. Поэтому, Мария, я к тебе и пришла. Попросить хочу.

Ты дочку за мои грехи не наказывай… Меня накажи. Она тут ни при чём.

Я тебя очень прошу. Очень.

Если стоя надо просить или на коленях, я встану, просто тут вроде все сидят.

Скамейки тут, как у нас в суде. И накидка на тебе тёмная, прямо как моя мантия. Только ты здесь золотом окружена, а я в своём кабинете — приговорами да заявлениями.

В каком-то смысле мы — коллеги. Обе решаем, кого казнить, кого миловать.

Ты меня извини, если я тут порядков каких не соблюдаю, я в последний раз в церкви тридцать лет назад была. Просто услышала, что ты такая, помогаешь, вот и прилетела.

Я, наверное, на «вы» перейду… И чего это я себе такое панибратство позволила…

Значит так, ваша честь. Подсудимая Воронина Варвара явилась для дачи показаний по делу об умерщвлении двух её нерождённых детей.

Боже, какую чушь я несу, мне тут надо пластом лежать и слезами пол мыть, а не привычными бюрократическими штампами разбрасываться.

Молодая я была, глупая… Студентка. Какие там дети!!! Сначала первый аборт, через год — второй. Потом, когда уже окончила университет, немного поработала и замуж вышла, тогда и появилась Настюша. Мне акушер её даёт, а я вижу, что у неё на одной руке родимое пятно в форме скрученного девяткой кнута, а на другой — в форме двойки.

Насте так нравились эти пятнышки, она всё хвасталась, что это знак, что ей математиком надо стать. А я понимала, что это мне знак, что мой ребёнок будет за мои грехи страдать. Цифра два и кнут…

И вправду, росла она хиленькая, бледненькая, болела часто. Всё в своей комнате любила сидеть, я как ни зайду, она там со спутанными белыми волосами, как узница, как заключённая. Я ей: «Иди погуляй!», а она даже не ответит ничего, только махнёт рукой и опять в свою книжку.

Стала всё-таки учительницей математики, в школе с географом познакомилась. Поженились. Три года уж прошло, а детей всё нет и нет. Ходит с грустными глазами.

И я знаю, почему. Это всё я виновата.

Ты у меня всё, что хочешь, забери, только подари Насте ребёночка. Пожалуйста!

Из часовни в Айнзидельне со статуей чёрной мадонны, куда со всего мира стекались просящие, Варвара выходила с тяжёлым сердцем. По рассказам приятельниц, которые тут побывали, они все почувствовали здесь нечто особенное, что не передать словами. Она же ничего такого не испытала, единственное, слёзы безостановочно лились прямо с порога. Зашла вся в чёрном, как прокажённая в дальнем углу села. Сначала мысленно обращалась к той, которая, по рассказам, много людей исцелила, а потом просто плакала. Долго там пробыла, долго.

«Странно, — подумал Саша, когда она вернулась к нему в машину. — Когда сюда её вёз, если смотрела, то будто мороз по коже. А сейчас нет… Да и лицо у неё такое… добрее стало, что ли».

— Давайте я вам монастырские конюшни и Сьюзи покажу, — вдруг предложил он.

Саша должен был везти Варвару обратно в аэропорт, но до вылета оставалось ещё много времени.

— Давайте, — еле слышно ответила она.

Лошади мирно паслись у конюшен, только один жеребёнок всё не ел, игриво бегал вокруг матери. Живущая неподалёку жизнерадостная Сьюзи весело хрюкала от каждого прикосновения — Саша щекотал её палкой и смеялся.

На обратном пути, как только тронулись, сначала встретили грузовик с изображением аккуратно нарезанной конской колбасы, потом тут же проехали мимо рекламного баннера с ветчиной.

Варя опустила глаза на свои туфли.

«Интересно, чья эта кожа? Свиная, наверное… Хотя какая разница, все же страдают, когда их уби-

вают», — она вытащила ноги из элегантных шпилек и отодвинулась от своей сумки, тоже пахнущей чьей-то смертью.

Вспомнив про висящую дома шубу, загуглила, как выглядит норка.

«А глаза у неё, как у меня — чёрные, блестящие, — у Вари в горле сжалось. — Вот я тварь. Двух детей угробила, всю жизнь животных жру, всю жизнь чужие трупы на себе таскаю», — она попросила Сашу остановиться.

Вышла босиком, запихнула сумку и туфли в мусорный бак и под удивлённые взгляды прохожих вернулась в машину. Поехали дальше, документы и кошелёк на коленях, телефон в руках.

«Норку тоже выкину, — пообещала себе Варя. — И вообще всё по-другому будет…»

Саша ничего не спросил, только периодически беспокойно поглядывал на свою пассажирку в зеркало заднего вида. А та до самого аэропорта мечтательно в окно смотрела.

Пошёл дождь, начал смывать с людей пыль и поить сухую землю.

Бывает и так

Полина быстрыми шагами шла домой.

— Смотреть надо, — пробормотала женщина, нечаянно задевшая её на пешеходном переходе.

— Выбрось немедленно, — громко повторяла бабушка какому-то ребёнку.

Сумка Полины вдруг показалась ей чудовищно тяжёлой, но она, не оглядываясь, продолжала торопливо идти по улицам Цуга. Шла и всё повторяла про себя: «Всё будет хорошо».

На «хорошо» её жизнь уже не тянула месяца два.

Всё началось в марте, когда вдруг ни с того ни с сего начался цистит. Полночи не спала, стонала от боли на всю квартиру. Врач, анализы, антибиотики и потом неделю перед каждым походом в туалет — страшно.

Потом умер Барбариска. Вылетел из клетки, врезался в окно и упал. Ветеринар, обезболивающее, семь дней борьбы, а потом слёзы и белый мешочек.

Затем начались скандалы с мужем: с хлопаньем дверью и обидными словами. А вчера он просто не пришёл домой, написал что-то про «надо побыть одному».

У неё после этих слов начало кипеть где-то у солнечного сплетения, потом отчаяние, то отчаяние, которого до этого она не знала и даже не подозревала, что такое вообще существует, стало расползаться по всему телу и осталось везде, в каждой клеточке.

Как ей хотелось сегодня никуда не выходить, но нет, надо было ехать на работу, развлекать партнёров. Презентация в офисе, затем экскурсия по городу, обед…

Хорошо, хоть додумалась гида организовать.

Тот сначала повёл их в башню с часами. На самом верху открывался шикарный вид, но она больше всего времени у механизма провела. Неизменно возвращающийся на место маятник успокаивал, равномерный звук часов радовал своей предсказуемостью.

Ресторан был у озера. Вода звучала сердито, тёмные неспокойные волны беспорядочно бились о берег, птицы изредка предупреждающе кричали.

«Сил нет», — Полина с нетерпением поглядывала на уже почти пустые тарелки гостей. И вдруг вспомнила острый нос и торчащий вперёд подбородок Яны.

«Откуда в тебе столько энергии?», «Так здорово выглядишь», «А у меня недавно кошка пропала»,

«С мужем тебе, конечно, повезло» — Полина перебирала в голове сказанные Яной здесь, в этом же ресторане, пару месяцев назад фразы, и ей стало не по себе.

«Не может быть, — подумала она. — Это бред...»

Но из памяти не уходили Янины опущенные вниз уголки рта и подаренное ею яркое украшение для дома в виде какого-то глаза.

— Повесь на окно. Чтобы счастье к тебе домой залетало, — сказала она тогда.

Полина кое-как досидела до конца обеда, кое-как улыбнулась всем на прощание.

Сначала неуверенным шагом, а потом почти бегом устремилась домой. Зашла, сорвала подарок Яны, вышла на улицу. С мыслью «Если это ты, пусть тебе вернётся!» выкинула его в мусорный бак.

— Так и будет, — сказал кому-то по телефону идущий мимо мужчина.

Казнь

Треугольник из морщин на переносице, прерывистые глубокие линии на лбу, раздвоенный подбородок — всё лицо Вадима было в каких-то неровностях, некрасивостях и рытвинах. Его уже немолодая жена прятала за длинной чёлкой круглые боязливые глаза, закрывалась от людей перекинутой через плечо большой сумкой. А расфуфыренная дочь, наоборот, шла, снисходительно поглядывая на прохожих, показывая им и новые туфли с красной подошвой за много-много евро, и не менее дорогое алое платье, и не совсем подходящее для полудня декольте.

Цюрих к таким яркостям в середине рабочего дня не привык, глаза от юной русской красавицы отводил поспешно.

«И почему таких золотой молодёжью называют? Какое ж это золото, так, бижутерия позолоченная», — думал Саша, глядя, как та делает очередное селфи.

Саша, за долгие годы работы гидом насмотревшийся разного, девушку сразу про себя окрестил фифой. А вот с её родителями пока всё было не совсем понятно. Мать за два часа экскурсии не задала ни одного вопроса. Лишь эта сумка-щит и испуганные глаза в пол выдавали в ней хоть какие-то эмоции. «Чего, боится? Не боись, манекен, я тебя не съем», — в голове у Саши откуда ни возьмись вылезла дурацкая рифма. Отец семейства тоже производил странное впечатление. У него почти всё было какое-то двойственное и несимметричное, не только подбородок. Разные по высоте плечи, разные по цвету накладные карманы на куртке, сильно зачёсанный налево пробор седых волос. Только глаза неизменно стабильно кололи цепкой проволокой да костлявые пальцы всё стремились что-то зацепить.

«Неплохая у меня сегодня компания — фифа, манекен и экскаватор», — думал Саша, поглядывая, как Вадим, объясняя что-то дочери, загребает левой рукой воздух.

— А это кто? — отец семейства показал на бородатую статую у вокзала.

— Это известный швейцарский политик. Он для своей страны много чего хорошего сделал. Железную дорогу благодаря ему проложили, банк при нём первый появился, — Саша, рассказывая, не скрывал своего восхищения.

Вадим сглотнул. Он тоже был известным и тоже сидел в парламенте, только вот хорошее делал в основном лишь для себя. Отель на воде, фирма по производству солнечной энергии, сеть ресторанов и кинотеатров — всё себе, родненькому. Конечно, всё через офшоры, конечно, всё на кого-то другого оформлено. А для народа… Ну, это он на потом откладывал.

— Жена у него красавица была, — продолжал Саша. — Когда они поженились, ей девятнадцать было, он — в два раза старше. Только недолго прожила. Туберкулёз.

Теперь сглотнула супруга Вадима. Сам того не зная, Саша последним словом полоснул по больному. Так странно, она всегда хотела выйти замуж за богатого, чтобы не биться за кусок хлеба, а когда вышла, то пришлось бороться за воздух. Первый приступ астмы случился прямо во время медового месяца. Спасибо скорой, приехали, спасли. После этого ингалятор всегда в сумке, всегда рядом, всегда прижат к груди.

— Дочь у него ещё была, — добавил Саша. — Несколько языков знала, отцу в делах помогала. Да только влюбилась в художника, и всё, конец. Газом себя отравила.

Фифа пожала плечами. Она тоже знала несколько языков. А вот влюблялась не сильно, каждый раз будто понарошку. И часто влюблялась, до неприличия часто. Так что те, кто посмелей и почестней, её неприличным словом на букву «б» называли.

Саша уже подводил семью к отелю и уже собирался прощаться, как вдруг большая блестящая ма-

шина влетела в витрину ювелирного магазина прямо перед ними. Не остановись Саша у бородатого памятника на те несколько секунд, лежали бы сейчас среди осколков или он сам, или перекошенная физиономия Вадима, или сумка-щит, или туфли с красной подошвой.

«Спас, получается, бородач, даже после смерти продолжает добро делать…» — подумал Саша.

Странное семейство повело себя вполне ожидаемо. Отец какое-то время выражался только матом, да и то всего двумя словами. Жена ещё больше сумкой закрылась, а фифа просто ошарашенно смотрела то на некрасиво помятый капот, то на нескладно лежащую на подушке безопасности голову водителя.

Началась та суета, которая обычно начинается после аварии.

А ночью приснился Саше сон странный. Видел он, будто сажают Вадима со связанными руками в лодку деревянную и люди в чёрных плащах его к тюремной башне везут. Домики на берегу светлые, радостные, а башня эта посреди реки чёрная, страшная. Птицы над ней кружатся, холодом от неё веет. И запирают Вадима там в каморку, ненамного больше, чем гроб вертикальный. А в каморке только две вещи — темнота и отверстие с крышечкой. Справил естественную нужду — и крышечкой закрыл. Вот и всё развлечение. Ни окон, ни отопления, ни мебели, только он и крышечка.

А потом какой-то мужик на площади, где нестерпимо воняет рыбой, решение суда объявляет.

— Виновен, виновен! — кричит он, и безумная толпа кидает вверх шапки, радуется предстоящему зрелищу.

Затем снова люди в чёрных плащах, только теперь ведут Вадима к бородатому памятнику у вокзала, во сне рядом теперь ещё и виселица стоит. Колпак на голову, умелые движения палача, рёв толпы, и вот болтается Вадим под небом голубым, виновато опустив голову. Некрасиво висит, всё так же перекошено, одно плечо всё так же выше другого. Только руки вот уже не загребают воздух, а безоговорочно повинуются ему.

Затем перед народом выводят дочь Вадима в изодранном на груди рубище. Посыпают её блондинистую голову пеплом, кладут на повозку лицом вниз, показывая толпе грязные пятки, и лупят плетью. Потом под улюлюканье увозят её неведомо куда.

Толпа расходится, толпа довольна, толпа совсем не обращает внимания на сгорбленную нищенку, прижимающую к себе свои пожитки, жену Вадима.

Стул

— Приятного аппетита, — женщина поставила стул на красный асфальт прямо напротив скамейки, где сидел Саша. — Не помешаю?

Саша был не особо рад, но виду не подал.

Он только что оставил у отеля постоянно что-то рассказывающую клиентку. Та решила со всей ответственностью подойти к выбору учебного заведения для своего сына и устроила ему экскурсии по университетам Швейцарии. Они уже побывали в Цюрихе и в Лозанне и вот теперь добрались до Санкт-Галлена. За эти три дня он немного подустал от её болтовни и хотел бы съесть свой бутерброд в тишине, но нет, тут нарисовалась эта странная женщина со стулом.

— Вы из мебельного? — спросил он.

— Нет, из дома.

Женщина достала из кармана ключи, почему-то показала их Саше и положила обратно.

— Жила-была девочка с очень длинными пальцами, — ни с того ни с сего начала она. — С такими длинными, что когда она в трамвае руку поднимала, чтобы за поручни схватиться, то все пассажиры сбегались и, открыв рот, смотрели. Выросла эта девочка, замуж вышла, улыбалась по утрам.

И всё у неё было хорошо, пока она один стул на работе не увидела.

Стул такой был, ну ничего особенного. Ну, повыше немного. Ну, чуть помягче. Если честно, человек, хорошо разбирающийся в жизни, вот прямо бы так сразу и сказал, что полное говно этот ваш стул. Но нашей девочке он так приглянулся, что как-то вечером забрала она его к себе домой. Без спросу… Волокла долго: сначала через метро, потом через хмурый парк, потом по лестнице на шестой этаж…

Притащила, гордо поставила в центр гостиной и говорит мужу: «Смотри, какой классный!»

Муж покачал головой, ничего классного не нашёл, но ради вежливости пробормотал что-то среднее между «Угу» и «Ну-ну».

А утром, когда проснулись, то поняли, что из квартиры диван пропал, где они по вечерам, обнявшись, телевизор смотрели.

«Украли», — пробормотал муж и ушёл жить к Светке, у которой диван пока ещё был.

«Зато у меня стул есть», — подумала девочка, плюнула и пошла на работу. Вернулась и увидела, что вообще всю квартиру обокрали. Только стул

оставили. Расстроилась девочка, села на стул, а тот возьми — и сломайся.

Но она его починила. И с тех пор всегда с собой носит.

— Хороший стульчик, хороший, — женщина замолчала и как ни в чём не бывало достала из сумки свой бутерброд.

Саша с подозрением смотрел на собеседницу. Та невесело улыбалась, ветер трепал в разные стороны её распущенные волосы, небрежно завязанный шарф, трепал зажатую в руке салфетку.

Давным-давно в парке у общежития, где когда-то жил Саша, часто гуляла женщина вот с такими же растрёпанными волосами. Она была явно не в себе: в сидячей коляске вместо ребёнка возила плюшевого медведя и постоянно ему чепчики меняла. В тот вечер, когда Саша вместе с двумя подвыпившими друзьями из училища стащили у уснувшей на скамейке горе-матери того мишку, тоже было ветрено. Украденную игрушку тогда даже себе не оставили, просто выбросили. А вот женщину ту потом в парке больше не видели, и Саша всё старался не думать о том, куда она пропала.

— Послушайте, — его глаза немного посветлели. — Давайте мы этот стул здесь оставим. А то вы вон на каких каблуках, ещё шею себе с ним сломаете. А я вас лучше в мебельный отвезу, вы там себе новый диванчик посмотрите.

Женщина в шарфе встала, посмотрела на стул со всех сторон, а потом послушно кивнула. Ветер не утих, но на улице стало как-то теплее.

Кем стать

— Бедный, — сказала Лавина, рассматривая очень толстого мужчину в клетчатой рубашке. — Диабет, наверное.

— Только бы рядом с нами не посадили, — проворчала её мать. — Четыре часа лететь.

Лавина не ответила, продолжая одного за другим рассматривать остальных пассажиров, ожидающих вылета в Цюрих.

Все, по её мнению, были немного странными.

«Туда же ещё половина моего чемодана влезет», — думала она, глядя на огромную прозрачную сумку сидящей рядом женщины, которая положила в неё только маленький телефон, кошелёк и паспорт.

«Зачем покупал?» — удивлялась она, видя, как кто-то выбрасывает недоеденный сэндвич и почти полную бутылку колы.

Всё было не так: чересчур высокие каблуки тучной блондинки напротив, её бесцельно ходящий туда-сюда муж, слишком долгие разговоры по телефону кого-то там сзади.

Лавина в мыслях переобувала блондинку, давала мужчине в руки книгу, заканчивала чужую болтовню. Потом так же мысленно перекраивала плохо сидящие платья, пересаживала не так сидящих в зале ожидания людей.

«Этих бы вместе свести надо, хорошая пара получилась бы», — Лавина заметила сидящих вдалеке друг от друга рыжего юношу в очках и что-то старательно пишущую в блокноте такую же рыжую девушку.

«А этим, наоборот, подальше бы друг от друга», — думала она, глядя на двоих, где у ещё молодой и у ещё молодого уже не смотрели друг на друга потухшие глаза.

Объявили посадку. Рыжие оказались в разных концах очереди, больной толстый мужчина встал перед Лавиной.

— Четыре часа лететь, — повторила мать, исподлобья смотря на синие клетки его рубашки, а потом в самолёте, увидев, что он садится рядом с их местами, тихо прошептала своё «За что мне это?».

Лицо толстяка покрылось испариной сразу после взлёта. Он достал маленькую бутылочку воды и аккуратно, стараясь не тревожить сидящую рядом Лавину, выпил её, замер.

Спереди начал истерично орать чей-то ребёнок.

Сзади начала ругаться пара с потухшими глазами.

— Простите, произошла ошибка, — рядом раздался тёплый женский голос, и крик и ругань вдруг сразу прекратились.

— При регистрации сотрудник не заметил, что вам, как часто летающему пассажиру, на этот рейс должно было быть предоставлено место в бизнес-классе. Пожалуйста, пройдёмте со мной туда, — стюардесса показала рукой на передние свободные ряды.

— Но я не так уж часто летаю, — смущённо сказал дядечка в клетчатой рубашке.

— Пожалуйста, пройдёмте, мы приносим свои глубочайшие извинения за нашу оплошность, — стюардесса будто не слышала его слов.

Дядечка растерянно огляделся, потом, стараясь никого не задеть, встал и пошёл за красивой, божественно красивой девушкой в форме.

И как-то сразу стало спокойно и тепло в этом самолёте.

Саша встретил Лавину и её мать в Цюрихе в зоне прилёта.

— За что мне это, — простонала Мария Николаевна, как только они отъехали, привычным жестом положила себе в рот несколько таблеток и, покряхтев, вскоре уснула.

Саша про себя отметил, насколько не похожи были между собой его пассажирки. У спящей Марии Николаевны негде глазу зацепиться: ничем не примечательные волосы, обычное лицо, неяркое платье.

У её дочери — оттопыренные уши, намазанные синей помадой губы, абы как завязанный чёрный пучок на макушке. И имя… То ли от английского «любить», то ли стремительная белоснежная волна.

«Причёска как антенна, уши как локаторы», — подумал Саша и почему-то вспомнил про космос и Гагарина.

Лавина всю дорогу молчала. Мать взяла её с собой для моральной поддержки, как делала всегда, когда ехала на лечение за границу. А ездила она туда каждое лето и всё время с новой болезнью. Мать вообще любила болеть, постоянно находила у себя то слишком увеличившиеся в размере родинки, то припухлость в области шеи, то ещё какой-нибудь симптом очень опасной болезни. Сейчас она жаловалась на боли в коленях и уверяла всех, что это артроз и она скоро пересядет в инвалидное кресло. То, что несколько рентгенов никаких отклонений не показали, её только возмутило, и она сказала, что поедет проверяться в Швейцарию, «где уж точно всё сделают, как надо».

Лавина уже смирилась с тем, что её мать ипохондрик, и уже заранее предугадывала, что и швейцарские врачи ничего особенного не найдут.

Было начало июня, после возвращения из Швейцарии ей предстояло подавать документы в университет, но она до сих пор не определилась, в какой именно. Вариантов, кем стать, было пока два: мать настаивала на медицинском, отец прочил ей карьеру хорошего журналиста.

Отель, как и аэропорт, тоже был полон странных людей. На улице у входа торопливо курил сигарету

юноша в майке с надписью Health is wealth, на рецепции женщина в наушниках внимательно слушала портье, за ужином за соседним столиком слишком много внимания уделяли выбору вина две пожилые дамы с нездоровым цветом лица. Потом утром завтрак и повсюду множество жадно набранной, но так и не съеденной пищи: нетронутые ломтики сыра, неоткрытые пачки порционного масла, даже не надкушенные булочки.

«Вот бы всю эту еду куда-нибудь в Африку. Да хотя зачем в Африку, наверняка и в Швейцарии есть те, кто еле концы с концами сводит», — Лавина мысленно сложила всю еду в коробку и отдала кому-то голодному.

— Мне надо идти, встреча с врачом, потом несколько процедур, где-то к пяти вернусь, а ты пока можешь… — Мария Николаевна отодвинула кофе, неопределённо показала вокруг рукой, сказала что-то про полезность прогулок и ушла, оставив после себя несколько полупустых тарелок, целый мандарин и почти полный стакан сока.

Лавина вышла из отеля медленно, медленно прошла мимо виденного вчера парня. Он всё в том же месте у входа, всё в той же позе, всё с тем же выражением лица всё так же курил, только сегодня на нём была майка с надписью Be the change.

На улице было безветренно и тихо. Не ездили машины, не ходили люди.

Лавина остановилась перед красным зданием с серой табличкой, рассказывающей про известного глазного врача, прооперировавшего в этом городе сотни пациентов.

«Может, действительно, врачом стать? Буду давать людям возможность видеть. Или слышать. Или жить».

Вокруг было всё так же безмолвно. Ни прохожего, ни птицы, никого…

Лавина пошла дальше и вскоре оказалась перед стендом с фотографией седого мужчины с умными глазами и его короткой биографией. Карикатурист, журналист, редактор… Высмеивал фашизм… Остро писал про бедность…

«Может, папа прав и мне всё-таки надо на журфак? Буду делать добро словом…» — подумала она

И опять вокруг тишина…

Единственный в городе музей оказался закрыт, и Лавина, разочарованная, села на его ступеньки.

«И что теперь?»

Вспомнила стюардессу в самолёте, которая просто доказала, что от перемены мест на самом деле много что может поменяться. Вспомнила тощих детей в социальных рекламах и недоеденные булки в отеле. И себя — постоянно в мыслях что-то меняющую — тоже вспомнила.

«Ну нет же такой профессии — улучшатель», — Лавина закрыла глаза и представила белую площадь. На ней те, у кого много, отдавали тем, у кого мало. Больные там становились здоровыми, одинокие — любимыми, потерявшиеся — счастливыми.

«Хотя, по большому счёту, мы все, независимо от диплома, должны быть улучшателями», — подумала она, и где-то радостно зазвонил колокол.

На обратном пути Лавина подошла к курящему у входа в отель парню, демонстративно взяла у него из рук сигарету и выкинула её.

И

Темноглазый сел в машину не сзади, а рядом. Весь в чёрном, бородатый. На одном из длинных костлявых пальцев — огромный перстень.

— У меня семь таких, — сказал он, когда заметил, что Саша обратил внимание на его руки. — Они все грехи символизируют. Этот, например, алчность. Я их все люблю.

Любитель экстравагантных украшений всю дорогу рассказывал какие-то истории, но с особым удовольствием — про тур, в котором недавно был.

— Приходишь, и любая спортивная машина на сутки твоя! Сначала по программе гоночная трасса… Педаль в пол, и на спидометре — космос. Потом по простым дорогам. Ну и затем отель, ужин, всё включено.

— А я вот никогда не гонял, — сказал Саша.

— Это надо исправить! Сейчас, подожди, вот визитка. Там сайт есть. Выбираешь дату, и вперёд! Это недалеко. И не очень дорого.

После этого несколько вечеров подряд Саша с жадно горящими глазами перечитывал программу тура и пересматривал фотографии машин, пока наконец не нажал заветную кнопку «Купить». И так чудно, после покупки появилось странное ощущение, будто что-то нехорошее сделал, неправильное.

«Да что же я не могу себе позволить один раз погонять? Что тут такого?» — разозлился он и захлопнул компьютер.

В назначенный день подъехал к назначенному месту.

И была там машина: красная и красивая. И всё время хотелось Саше в ней ещё быстрее по гоночной трассе ехать. И вроде было там радостно.

И потом была улица, и взгляды прохожих. И чувствовал Саша гордость, что он здесь, а не там, и может резко трогаться, и все оглядываются.

И был вкусный стейк, и неторопливая сигара, и отель, и виски, и женщина, танцующая за деньги. И будто было Саше от них ещё приятнее.

И было утро. И сожаление, что всё закончилось. И зависть, что есть такие, которые так каждый день могут. И даже злость оттого, что он не среди них.

А когда подходил Саша к своему терпеливо ждущему на стоянке автомобилю, то примешалось к злости ещё и чувство стыда. Ведь пока он где-то там ездил, его проверенный друг тут безропотно ждал.

И захотелось Саше не домой, а туда, где злость, стыд и зависть смыть можно.

И остановилась через час его машина у белой скромной капеллы.

И зашёл, и сел на скамейку.

И были вокруг неподвижность, и тишина, и спокойствие, и довольствие тем, что есть и как есть.

И потом зашли какие-то люди, такие же, как и он, просто внешне немного другие.

И девочка в белом пела что-то светлое, лёгкое.

И было ему там по-настоящему хорошо.

Разговор

— А что швейцарцы чаще всего на обед едят? — спросил Ник, неторопливо листая меню.

— Ну, это смотря кто и смотря когда. Двести лет назад здесь в основном траву ели, — ответила Арина.

— Как траву?

— Очень просто. Шли на поле, собирали, варили, немного солили и ели. А ещё суп был… Хочешь, рецепт расскажу?

Пока Ник думал, что ответить, Арина смотрела в окно ресторана.

Давным-давно она работала в похожем, только в Москве. Тоже приносила хорошо одетым людям устрицы. Один постоянный посетитель всё повторял ей тогда: «Закончишь учиться, станешь большой начальницей и переедешь в Швейцарию». Она смотре-

ла на его белоснежные зубы и не верила. А он оказался прав.

Пять лет назад она праздновала здесь, в Шаффхаузене, свой день рождения. В красивом платье, в туфлях, как положено, отрывала клешню от краба. Много морепродуктов, всё казалось таким вкусным. И гости были милейшие, и официант — лапочка, и она сама — ну прямо умница. Думала: «Вот, сижу тут, ем деликатесы, значит, добилась чего-то, значит, молодец».

А вот в прошлом году пришла сюда с подругой. Рассказывала ей, что уволилась. Что теперь ей кажется, что молодец — это не когда у тебя деньги на краба есть, а когда ты что-то очень-очень важное делаешь. А что она? Лекарства не придумывала, машины не изобретала… Подумаешь, два высших… Подумаешь, сто людей в подчинении. А толку?

Подруга — молодец. Подруга поняла.

— Подожди, почему они траву ели? — Арина услышала голос Ника.

— Голод тут был из-за неурожая, вот и ели. Если сильно везло, внутренности собак добавляли. Если не сильно — картофельные очистки или тухлую свёклу. Представь, заходишь в хижину, а там десяток бледных тощих людей в лохмотьях сидят и пустыми глазами в никуда смотрят. Где-то на полу — полумёртвый младенец. Мебели ноль, всё на еду давным-давно поменяно. Вот тебе и Швейцария.

— Откуда ты это всё знаешь?

— Гид у меня знакомый есть. Он и рассказал.

Арина видела, что Нику не очень нравилось слушать про голод.

Ей тоже раньше не нравилось. До того, как она на ту экскурсию не съездила… После которой сразу уволилась.

Дурацкая ситуация получилась тогда.

Поехала на выходных с мужем на Рейнский водопад. Хотела сфотографироваться, села на перила, не удержалась и упала. Пока летела вниз, в пену, в голове было только две мысли: что с семьёй мало времени проводила и что ничего особенного за свои тридцать три не сделала. Вкусный краб в ресторане, платья в шкафу, какие-то дипломы — всё в секунду стало не важно. В голове, когда себя хоронишь, — только твои родные и твои особенные дела.

В воде сначала было страшно и шумно, а потом — тихо и спокойно. Глубина ласково обнимала, дарила умиротворение, и ей даже показалось, что вот оно, счастье, быть здесь и разглядывать солнце. Но муж плавает хорошо, вытащил…

Когда оклемалась, один знакомый пригласил её всё в этот же дорогой ресторан с рыбными деликатесами. И она сидела всё так же: в красивом платье, в туфлях, вся такая с виду умничка. Сидела посреди всех этих накрахмаленных салфеток, звенящих приборов, блестящих зеркал, смотрела то на знакомого, то на официанта-лапочку, то на своё отражение, а в голове только одна мысль…

Она тогда, за столом, её не озвучила. Казалось, как такое вообще скажешь? А сейчас кажется, что это надо почаще говорить. Арина вдохнула глубже и произнесла:

— Ты знаешь, мне в последнее время кажется, что я столько времени на всякую ерунду трачу.

А ведь мои часы — не бесконечные. А вдруг у меня их кот наплакал? А вдруг у тебя — ещё меньше?

Арина с Ником учились вместе, оба любили мандарины и математику. Только у неё всё как-то быстрее было. Дети появились раньше, переезжать в другую страну Ник пока только собирается. Прилетел в Швейцарию на пару дней, конфеток ей привёз, а она ему — на! — про голод, про смерть и про то, что надо не опоздать много хорошего сделать.

— Да здорова я, не смотри ты на меня так, — Арина засмеялась. — Мне врач говорит, мои анализы можно как образец показывать. Я тут недавно даже марафон пробежала… Благотворительный.

Ник ещё какое-то время сидел неподвижно, а потом снова стал листать меню. Быстренько так листать.

myFiveFrancs

Рассказы не о Швейцарии

Редактор Ольга Рыбина
Корректор Венера Ахунова
Корректор Татьяна Исакова
Иллюстратор Марина Шатуленко
Подготовка карт Вера Филатова
Дизайнер обложки Евгения Язвенко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Я не беру деньги за книги, вместо этого прошу тратить их на благотворительность или делать добро любым другим способом.

Также буду благодарна за отзыв на сайте книги.

Спасибо!
myFiveFrancs